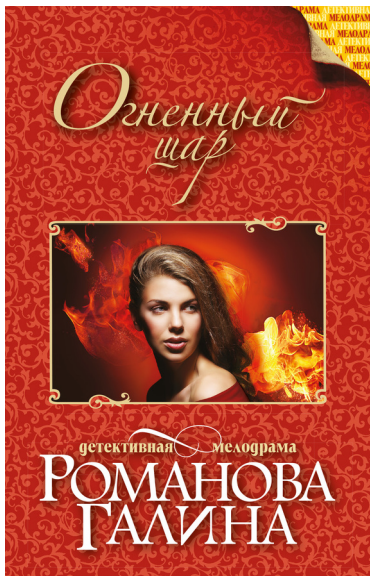

Галина Владимировна Романова

Огненный шар

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8497855

Огненный шар : роман / Галина Романова: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-76073-2

Аннотация

У Виталия Мельникова, директора фирмы, принадлежащей олигарху Севастьянову, есть все: отличный загородный дом, трое детей, жена Маша, единственная опора в жизни, и... тайна, разоблачение которой грозит Виталию крахом благополучия. Еще у Мельникова виды на молодую сотрудницу, Карину Илюхину. Та его ненавидит, но вынуждена терпеть все «причуды» шефа из страха потерять высокооплачиваемую работу. Однажды Карина произнесла фразу: «У меня мечта, чтобы это чудовище горело сначала на земле, потом в аду!» А через несколько дней в лесу обнаружили сожженную машину Мельникова с обгоревшим неопознанным трупом внутри. Сам Виталий нисколько не пострадал и даже не представляет, кто оказался на его месте за рулем роскошного автомобиля...

Книга также вышла под другим названием: «Нирвана для чудовища».

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Галина Романова

Огненный шар

© Романова Г.В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

*Все действующие лица и события, описанные в романе, являются
вымыслом. Любое сходство – это совпадение.*

Автор.

Пролог

К тому моменту, когда Востриков приехал на место происшествия, машина уже выгорела полностью. Покореженный металлический остов торчал из зарослей кустарника, уничтоженного огнем в радиусе метра. Дальше огонь не пошел, потому что был потушен сильным дождем. С дороги видно вообще ничего не было. О том, что здесь произошло, можно было судить лишь по запаху гари и горелого мяса.

– Не воняй тут так, его бы и не нашли! – озадаченно качнул головой эксперт Федя Ломов, прогуливаясь по периметру, огороженному сигнальными лентами. – А что, Саня? Я не прав? С дороги не видать, в лес этот мало кто ходит.

– А что так?

Востриков лениво жевал зубочистку, оттягивая отвратительный момент, когда придется нырнуть под ленту и начать осматривать полностью выгоревшую машину и обгоревший труп.

– Тут, километрах в сорока от дороги, лет тридцать назад была свалка токсичных отходов, – с удовольствием принялся рассказывать Федя, ему тоже не особо хотелось нырять под ленту. – Строили ее кое-как. Валили все подряд. Потом забросили, ограждения разрушились, и отходы начали расползаться по округе.

– И? Что, все молчали? Это же экологическая катастрофа, – вяло отреагировал Сан Саныч Востриков, дико злившийся теперь на обстоятельства, выдернувшие его из-за воскресного стола.

Олька такой плов приготовила! Мечта, а не плов! Он в Узбекистане бывал – такого не пробовал никогда. Она вообще у него золото была, а не женщина: умная, красивая, терпеливая, понимающая, и готовила превосходно.

– Тебе вечно везет! – фыркали коллеги. – Что с женой, что в работе!

Жена возражала:

– Тебе не везет, Санечка, это ты везешь! Громадный воз тащишь на себе, мой любимый! Семья, работа, дочка... Везет ему! Везет тому, кто сам везет!..

О том, что семьей она занималась практически одна, как и воспитанием их десятилетней дочери, Оля никогда не вспоминала. И не упрекала его за сорванные праздники и выходные, за то, что могли его ночью поднять с кровати, а то и вовсе не позволить в нее лечь. Оля была у него славной, и он ее очень любил – без затей и фейерверков, просто любил. Верно и навсегда...

– Т-юю! – присвистнул Федя Ломов. – Экологическая катастрофа! Кто тогда на эту тему заморачивался-то, Саня? Расползлось химическое говнище по старому заброшенному лесу – и хрен с ним! Местные посокрушались, посокрушались да и бросили сюда по грибы и ягоды ходить: а то еще позеленеют с сих продуктов! Да, Саня?

Федя Ломов, маленький толстенький старичок-здоровячок, которому давно уже перевалило за шестьдесят и который все никак не решался уйти на пенсию, тихонько рассмеялся, призывая Саню присоединиться к веселью. Тот вежливо улыбнулся и с неуверенным кряхтением полез под ленту. Ломову пришлось смех оборвать и двинуться следом.

Работали быстро, без лишних разговоров. День обещал быть жарким, что отрицало всяческое затягивание процесса. Вонь была просто нестерпимой. Кто-то уже нацепил на лицо повязку. Кто-то блевал в кустах. Саня держался. Феде все было нипочем.

– Что я могу сказать? – ковырялся он пальцами, затянутыми в перчатки, в сгоревшей плоти. – Мужик... Высокий, здоровенный, небось здоровьем отличался отменным при жизни. И думать не думал, и гадать не гадал, что слетит с дороги и сгорит заживо.

– Заживо? – уточнил Востриков.

– Предварительно – да, судя по положению конечностей. Его, вишь, Саня, зажало вот тут, – Федя постучал каким-то своим инструментом по вывернутой рулевой колонке, упирающейся как раз в грудную клетку обгоревшего трупа. – Может, сначала без сознания был. Может, обкуренный. Подробный анализ покажет, надеюсь. Но потом-то он пытался вылезти. Смотри вот сюда... Видишь, ногти на этой руке все под корень обломаны?

Саня покосился на то, что когда-то было человеческой рукой. И, конечно, ничего не увидел, никаких обломанных ногтей. Только затошнило еще сильнее.

– От чего произошло возгорание, как думаешь? – спросил он Федю, ползающего у трупа в ногах. – Результат аварии? Или поджог?

– Так, Саня, странная какая-то авария, не находишь? – Федя оглянулся вместе с Востриковым на дорогу. – Ни тебе тормозного пути на дорожном полотне, ни тебе поломанных веток. Ты же сам усомнился, как сюда подъехал, о чем ты говоришь?

– Да, – согласно кивнул Востриков. – На первый взгляд такое ощущение, что машину аккуратно загнали именно сюда и подожгли.

– Думаю, что и на второй взгляд ощущение таким же и останется, – Федя выбрался из сгоревшей машины, отряхнул колени от жирной сажи, сделал знак санитарам паковать труп. – Но подробности – это уже не ко мне. У тебя вон группа работает с фотоаппаратами. Они точно тебе весь его последний путь зарисуют. А я уж тебе потом про него все расскажу. Но одно хочу сказать тебе, Саня...

– Что?

– Дело говенное! – Федя выпятил нижнюю губу и с печалью покачал головой. – Ни тебе свидетелей – место глухое, ни тебе отпечатков пальцев. Хорошо, если на труп кто претендовать станет.

– Не мели, Федор Иванович!

Востриков недовольно поморщился. Ломов был еще тем оракулом. Как брякнет что, так и сбывается.

– Машинка дорогая, иномарка. По номеру кузова определим владельца и...

– А если машинка в угоне? А жмура никто не хватится, а? – ядовито улыбнулся Федя и погрозил пальчиком в резине. – Не спеши, Сан Саныч, не спеши упрощать себе понедельник. Чую я – дрянь дельце. Ох, чую!..

Глава 1

Огромный ломоть буженины источал удивительный, неповторимый аромат копченого мяса и пряностей. Он лежал на куске мягкого ситного хлеба, чуть обнажая ажурную кромку салатного листа, который придавил. Бутерброд был свежим, аппетитным, он занял место в центре огромного блюда, выложенного тонкими помидорными кольцами, присыпанными укропом. Рядом с блюдом покоилась большая двурога вилка. «Странно», – подумал он, протягивая руку. Бутерброд он может съесть и так, без помощи столовых приборов. А помидоры такой вилкой не подцепить. Зачем она здесь, такая большая, с такими острыми длинными зубьями?

Его взгляд двинулся дальше по столу, застеленному дорогой шелковой скатертью. Хрустальный отпотевший графинчик с ледяной водкой. Хрустальная тарелочка с тонкими дольками лимона. Еще одна тарелочка с крохотными маринованными огурчиками. И невероятно ажурная посудинка богемского стекла, доверху наполненная икрой. А ложка? Рядом должна была лежать маленькая серебряная ложечка, а ее нет!

Как он станет есть все это?! Как??? Для икры нет ложки, вместо нормальных столовых приборов – чертовщина какая-то! Это что – издевательство?!

Он нервно дернул шеей, обернулся на жену. Он знал, она должна быть где-то рядом, где-то за его спиной.

Странно, но ее там не было. Он набрал полную грудь воздуха, приоткрыл рот для крика, снова перевел взгляд на стол, и гневный крик застрял в горле, он умер, испустив дух судорожным сипом.

Со стола исчезла скатерть, обнажив потрескавшийся старый пластик. Не было блюда с его любимым бутербродом, помидоров с укропом, хрустального графинчика, лимона, крохотных огурчиков, икры...

Ничего этого не было!!! Не было!!! На растрескавшемся от времени и безалаберного пользования столе стояло эмалированное блюдо с картошкой в мундире. Рядом – «чекушка» дешевой водки, старая алюминиевая вилка на шербоватой пустой тарелке и литровая банка квашеной капусты.

Что это?! Что???

Он судорожно сглотнул, пощупал растопыренной пятерней воздух за своей спиной, надеясь ухватить подол Машкиного халата. Нет ее! Ни ее, ни халата! Куда подевалась?! Сбежала – обдало холодом! Сбежала, как почувствовала беду! Да, она теперь такая! Она долго терпеть лишения не станет. Она к шику привыкла быстро и совсем про этот вот стол из их прежней квартиры позабыла. И про то, что ставила ему на этот стол.

Гадина!!! Предательница!!!

Он зажмурился так крепко, что стало больно глазным яблокам. А потом с силой распахнул глаза.

Господи, да что ж это?! Да за что???

Страшное видение его прежней нищенской жизни не исчезло. Как раз наоборот! Оно пополнилось нестиранными ползунками, переброшенными через спинку раздолбанного стула, кастрюлей подгоревшей каши на давно не мытой плите, тощим котенком, истошно вопящим на подоконнике, и форточкой с облупившейся краской, которой поигрывал ветер. Форточка металась, соревнуясь силой визга с тощим котенком. Давно надо было ее отремонтировать, да все некогда. Вспоминал, когда совался покурить. А стоило захлопнуть – забывал.

Забуть! Вот что надо! Ему срочно требуется сейчас забыть прежний кошмар, непонятно почему вернувшийся в его жизнь. Забуть, будто этого и не было!

– Забывать нельзя... – вдруг прозвучал за его спиной чей-то голос. – Никогда забывать нельзя...

За спиной должна была маячить Машка. Но ее там не было, это он точно помнил. Она же сбежала! А голос?! Чей он?! Он будто не знает его, но почему-то осознает, что это самый отвратительный, самый мерзкий голос для него. И он этот голос будто когда-то слышал. Когда?!

– Надо помнить... – снова тот же голос. – А ты забыл...

– Кто ты? – хотел он спросить, да только открывал и закрывал беззвучно рот. – Кто ты?! Я тебя не знаю!!!

– Конечно, не знаешь. Ведь я твоя совесть! Я теперь всегда буду с тобой!

– А-ааа!!! А-ааа!!! А-ааа!!!

Крик наконец-то прорвался сквозь сузившееся пересохшее горло. Он прорезал плоть шершавым рашпилем. Он вырвался на волю, он наполнил его сердце отчаянием. И...

И он резко открыл глаза. Мощная грудная клетка высоко вздымалась от тяжелого дыхания, сердце молотило о ребра, и было больно. Он приподнялся на локтях, сел на край кровати, огляделся.

Спальня. Его спальня. Просторная, с высоким потолком, с зеркальными шкафами вдоль стены, с панорамным окном, выходящим на террасу, с туалетным столиком жены и дверью в ванную.

Уф, слава богу, все сон!

В изголовье на тумбочке красного дерева мерзко визжал будильник, напомнив ему визг тощего кота и форточки из его ночного кошмара. Сколько раз просил Машку поменять сигнал, сколько раз! Нет, говорит, ты тогда не проснешься. Мог бы и не проснуться запросто от такого ужаса! Приснится же такое!

Он глянул себе за спину. На второй половине широченной кровати спала его законная и единственная супруга Мария. Вот она – никуда не сбежала. Спит себе, похрапывая, под белоснежным шелковым пододеяльником, напоминая снежный сугроб. Здоровая стала, толстая. Ест все подряд, стоит на кухню зайти. Хоть говори, хоть не говори.

– Пока толстый сохнет, худой сдохнет! – ржала она в ответ, когда он шлепал ее по мощному заду. – Я за все годы нашей с тобой нужды отъедаюсь, дорогой! Как вспомню...

Вспоминать он ей запретил. Запретил давно, резонно заметив, что она так от своих дурных нищенских привычек никогда не избавится. Что за блажь, скажите, покупать крупы и макароны впрок? Зачем? Всего в магазинах навалом.

– А вдруг? – огрызалась Машка, и взгляд ее разбавлялся той самой тревогой, которая долгие годы пугала его.

Когда эта тревога начинала прежде плескаться в ее глазищах, значит, все – труба дело. Денег, значит, нет даже на хлеб. И занимать уже не у кого – еще прежние долги не погашены. И детям в школу нет на обеды. И старшему снова придется врать одноклассникам, что он на диете. А младшему брать из дома сморщенные яблоки из бабкиного сада и бутерброды с домашним салом.

– Никаких вдруг! – взрывался он всегда. – Так больше никогда не будет, поняла?!

– Поняла, чего орать то, – отзывалась она беззлобно. – Поняла.

Она вообще-то была очень хорошей, его Машка, хоть и жрала, как не в себя. Надежной была, как скала, преданной. Странно, что во сне вдруг его предала. Бред! Она никогда так с ним не поступит, никогда! И не от какой-то там надуманной великой любви. А потому, что она без него – ноль!

Он всего, чем они владеют сообща, добился один! Он и только он дал им такую крышу над головой, все, что под крышей, и все, что в рот кладется и на жопу надевается. Он, а не кто-нибудь еще! Ни Машка, бездумно прожирающая его состояние, ни старший сынок, ска-

чуший из университета в университет и все никак себя не находящий, ни младший, лазающий по отвесным стенам и называющий себя каким-то мудреным словом, ни младшая доча, очень умненькая и очень им любимая, – никто из них пока не внес в семейную казну ни копейки. Никто! И поэтому никто из них не имеет права ему указывать, его критиковать и уж тем более – его судить!

– Дармоеды, – пробормотал он беззлобно и одним рывком стащил с Машки одеяло. – А ну, встать!

Машка не шевельнулась, продолжая легонько похрапывать. Большущая грудь, странным образом после трех родов сохранившая форму и упругость, плавно колыбалась в такт ее похрапыванию. Ночная сорочка натянулась на животе, скомкалась на бедрах, обнажая их слишком высоко, раскинутые широко и вольготно. Он с любопытством рассматривал крупное тело жены.

Поди же ты, толстая, а никаких намеков на целлюлит. Барышни с его фирмы сидят на хлебах и кофе без сахара, а на ляжках кожа все равно, как апельсиновая корка. Он знает, потому что видел. А у Машки...

Он коснулся ее колена, погладил. Кожа гладкая, ровная, всегда пахнет мятой. Сколько помнит себя с ней, столько помнит этот запах: ненавязчивый и свежий. Ни от кого так больше не пахло, ни от кого.

Он провел пальцами по ее ноге выше, добрался до кромки трусов. Машка всегда спала в трусах. Она слабо шевельнулась, глубоко и шумно втянула носом воздух. И он тут же поспешно руку убрал. Если он ее сейчас разбудит, придется Машку ублажать. А он не хотел. И вообще ее день – суббота.

Качнувшись на мягких пружинах матраса, он встал, подошел к огромному окну, осторожно отодвинул одну створку и вышел на террасу.

Утро занималось чудесное. После трехдневных ливней уже вторые сутки было тепло. Все сразу ожило, зазеленело. В саду что-то цвело и дивно пахло. Порхали птицы с ветки на ветку. Одна, самая наглая, влетела под навес летней беседки и принялась маршировать по громадному столу в поисках крошек.

А нет крошек-то, птаха! Нет! Все убирается тщательно в этой усадьбе. Убирается супружеской парой, которую он подобрал на вокзале без денег и почти без вещей.

– Станете служить верой и правдой, – сделал он тогда пафосное вступление, что тот помещик, – озолочу! Нет – выкину к чертовой матери!

Они служили. Замечательно служили. И были почти незаметны в его доме и в саду. Через год безупречной службы он переселил их из задней кладовки в небольшой флигель на краю участка, за что они ему руки целовали! Муж Валентин – левую, жена Валентина – правую. Машка фыркала недовольно, а ему что – ему нравилось.

Словно услышав его мысли о себе, за дальним кустом показался Валентин в широкополой шляпе. Он медленно шел вдоль розовых кустов, высматривая сорняки и засохшие цветы: осторожно их срезал, выдергивал и складывал в большую холщовую сумку, висевшую на плече.

Хозяин глянул на часы. Пять утра. Рановато поднялся садовник, похвально. Может, премию подкинуть? И тут же насупился. Обойдется! Привыкнет – так потом и станет ждать. Пусть учатся работать за зарплату. Все пусть учатся!

Вспомнив о зарплате, он тут же перекинулся мыслями к грядущему рабочему дню. Он ведь неспроста сегодня поднялся так рано. Сегодня очень сложный день. Сегодня приедет в гости учредитель. Сказал, что в гости, но все знают, что это проверка. Жесткая, пристальная, не прощающая недочетов и промахов. Его коллектив неделю метался, все подчищая, проверяя, сличая.

– Если кто облажается, шкуру спущу! – шипел Мельников каждое утро на оперативке. – Вы у меня тогда не просто уйдете за ворота! Вы нигде в городе себе работы не найдете! Никто! Нигде!

Взглядов, устремленных на него, в такие моменты не было. Все тщательно полировали глазами стол для совещаний.

Они его ненавидели! И он об этом знал. И ему это почти нравилось. Нравилось унижать, наблюдать чужой страх, чужую ненависть, понимать, что она бессильна, и продолжать дальше наслаждаться властью. Он их ведь тоже не очень-то любил, а точнее – презирал всех и каждого, кто был рангом ниже. И поэтому на ненависть низшей расы ему было плевать.

Время от времени, чтобы подтвердить собственные сомнения на чей-нибудь счет, он устанавливал в их кабинеты диктофоны. Потом забирал. Прослушивал. И подозреваемый либо продолжал работать дальше, либо бывал уволен без выходного пособия. Никто не понимал, в чем дело, искали стукачей и предателей, некоторые даже приписывали ему мистические способности. Это его забавляло и радовало одновременно. Ему нравилось ощущать себя всемогущим, хотя бы в их глазах.

Он нахмурился, возвращаясь в спальню. Тихо прошел в ванную комнату, скинул с себя легкие штаны, в которых спал, открыл воду, вошел в душевую кабину. Мягкое шуршание воды немного его успокоило.

Никто и никогда не узнает о его самом большом страхе. Никто о нем не узнает, даже Машка. Она не сумеет догадаться, потому что Бог не вложил в ее голову много мозгов и проницательности.

Никто и никогда не узнает, что самым большим его страхом является возвращение в прошлое, в то прошлое, где он был нищим неудачником, вечно занимающим деньги. Сегодняшний сон, повторяющийся время от времени и выбивающий его из колеи на несколько часов, – это самый страшный кошмар, воплощения которого он боялся наяву.

Сквозь запотевшие стекла душевой кабины он видел сверкающий кафель ванной комнаты; видел большое зеркало над спаренной раковиной, громадную ванну в форме раковины; видел гору баночек и флаконов с кремами, компрессами, лосьонами, духами – все первосортное, дорогое; видел мохнатый коврик, которым был выстелен пол – коврик был с секретом: он как-то странно впитывал воду, при этом почти не намокая, либо высыхал очень быстро – тоже кучу бабок стоит, привезен откуда-то из-за границы с выставки.

Он еще раз осмотрел ванную, лаская каждую вещь взглядом. Это все так красиво, так удобно. Разве можно этого лишиться? И из-за чего?! Из-за какой-то совести?! Что это вообще такое?..

Глава 2

На стоянке стояло привычное количество машин: пятнадцать слева, пять справа. Те, что слева, были попроще, подешевле и принадлежали сотрудникам среднего звена – менеджерам, бухгалтерам, кладовщикам. На тех, что справа, каталось руководящее звено, и стояли там дорогие иномарки сплошь представительского класса.

Карина, добиравшаяся сегодня на работу пешком, неприязненно покосилась в правую сторону. Взгляд ее безошибочно нацелился на директорский автомобиль. Громадный внедорожник блестел на солнце отполированными боками. Блатной номерной знак. Тонированные стекла, наличие которых прощают даже местные представители власти. Все круто!

Карина вздохнула и, повернувшись к стоянке спиной, устремилась к входу в офисное здание. Вот чью машину она сожгла бы недогнувшей рукой. А еще лучше, если бы на водительском месте сидел сам хозяин. И она понаблюдала бы за его агонией и, может, даже сняла на мобильный.

– Тьфу, ты! – поплевала она через левое плечо, поругав себя тут же. – Нельзя! Нельзя...

Нельзя опускаться до его сволочного уровня. Нельзя превращаться в чудовище, коим являлся их генеральный директор – Мельников Валерий Сергеевич. Это ему уничтожить человека – что комара прихлопнуть. Она-то не такая! Чего она тогда так разошлась в своих мстительных мыслишках?!

Охранник на вахте многозначительно посмотрел на часы – она опаздывала на восемнадцать минут – и тут же полез в ящик за регистрационным журналом. Карина со вздохом выложила перед ним сто восемьдесят рублей. У охраны каждая минута стоила десятку. Иначе настучит, иначе оштрафуют, а это куда больше, чем эта ничтожная сумма.

– Проходите, – вежливо улыбнулся он, убирая журнал обратно.

– Где все? – Она уже бежала вверх по лестнице.

– Босс на служебной машине поехал в аэропорт встречать гостей. Остальные на местах.

Слава богу!!! Чудовище отсутствует!!! Если бы он ее хватился, не помогли бы никакие деньги. Он бы поставил ее столбом посреди своего кабинета минут на двадцать, принялся ходить вокруг и вкрадчивым мерзким голосом стал бы читать ей нравоучения, заводясь и распаляясь. Закончил бы как обычно:

– Раздеваешься или увольнение, Кариночка?

И она раздевалась, мерзкая грязная девчонка! Раздевалась прямо посреди рабочего дня, посреди его кабинета, расположенного в центре здания, которое располагалось в центре города. Раздевалась и превращалась в мерзкую грязную девчонку. В такую, которая ему нравилась.

Чудовище отсутствует, стало быть, сегодня вечером ее не будет тошнить от самой себя. И не придется принимать ванну, высыпав в нее пачку соды и пачку морской соли, объясняя мужу, что это для похудения. На самом деле ей казалось, что только это помогает ее телу отмыться. Что делать с душой, она не знала!

– О! Ты снова опоздала! – мяукнула Оля, несимпатичная девушка, сидевшая лицом к двери в их кабинете.

– Тсс! – Карина приложила палец к губам и выразительно посмотрела на стены.

Она давно подозревала, что чудовище их прослушивает. И смеялась над версиями о его невероятных мистических способностях угадывать мысли своих подчиненных.

Оленька то ли не поняла, то ли сделала вид, что не поняла, но продолжала допрашивать ее с беспечной улыбкой счастливого юного создания:

– Ты чего сегодня опоздала? Муж не разбудил?

– Машина сломалась, – едва слышно ответила Карина, шмыгнув за свой стол в углу. – Бросила на трассе, добиралась автостопом.

Все знали, что они живут за городом в большом красивом доме, выстроенном на деньги, взятые в кредит. И кредит этот погашает Карина, потому что у мужа временные трудности с работой. И поэтому Карина ездит на старом автомобиле, регулярно ломающемся и подводящем ее в самые неподходящие моменты. И поэтому опаздывает так же часто, как ходит на работу, то есть почти каждый день.

Знало об этом и чудовище. И чудовище совершенно не волновало, что Карина сколько опаздывала, столько и задерживалась на работе, и что она отработывала сполна и даже больше! Его не волновало, оно просто этим пользовалось.

– купи ты себе приличный автомобиль, – верещала Оля, между тем доставая из ящика лак для ногтей и пилочку. – А мужика своего гони к чертовой матери! Тоже мне, добытчик! Сидит на шее жены уже полгода и в ус не дует!

– Второй год пошел, – рассеянно поправила ее Карина, перебирая бумаги на столе. – Слушай, товарный отчет не видела? Он вот тут...

– Так Валерий Сергеевич заходил, забрал, – снова с улыбкой ответила Оля, взбалтывая флакончик с лаком.

– И меня спрашивал? – Карина все еще надеялась, что он приходил до девяти утра.

– Конечно! – сделала круглыми глаза Оленька.

– А что конкретно говорил? – севшим голосом спросила Карина, все еще надеясь, что сегодня пронесет, что сегодня не до нее, что у того просто вопросы по отчету.

Не пронесло!

– Он сказал, что, как только он приедет из аэропорта, ты должна будешь сразу к нему прийти.

– А учредитель?

– Ой, да нужно ему сюда ехать! – фыркнула Оленька, брызнув слюной на только что накрашенный указательный пальчик. Поморщилась. – Он сразу в свою резиденцию поедет наверняка. А уж завтра... Завтра будет вынос мозга!

«У кого как», – хмыкнула Карина про себя. У нее этот вынос мозга и растление души начнется уже сегодня.

– Хотя, знаешь, Кариночка, – Оленька растопырила пальчики правой руки, помотала в воздухе ладошкой. – Я бы с радостью позволила ему выносить себе мозг. Такой мужчина-а-а...

– Какой?

Она перестала ее слушать, поддерживала разговор из вежливости, полностью переключаясь на работу.

– Не то, что мой парень! – вдруг выпалила Оленька и брезгливо сморщила носик. – Терпеть не могу! И Валерий Сергеевич тоже еще... тот фрукт...

И она тоже! И ее не минула чаша сия, с жалостью глянула на молодую девушку Карина. Ее тоже уложил на свою грязную койку похотливый монстр. Интересно, что он делает с ней? То же, что и с Кариной, или у него для нее припасены другие игры? Она хотела снова приложить палец к губам, предусмотрительно призывая девушку к молчанию. Но потом передумала. Оленька уже брякнула лишнего. Если прослушка сегодня в их кабинете установлена, Оленьке несдобровать. Либо уволит, либо заставит отработывать хамство.

– И какой же он? – повторила она вопрос, отвлекаясь на минуту от бумаг.

– Импозантный! Красивый, обеспеченный! – принялась она перечислять, загибая ненакрашенные пальчики.

Сама Карина их учредителя видела лишь однажды, и то со спины. И его высокий рост и накачанная фигура ее мало заинтересовали. Было это больше года назад, ее муж тогда только-только лишился работы и дико пил.

– Ну и что, что обеспеченный? Дальше-то что? Тебя, что ли, обеспечивать станет?

– А вдруг? – Оленька мило улыбнулась, обнажив некрасивые мелкие зубки.

«Вряд ли», – вздохнула Карина, опуская глаза. Такие импозантные рядом с собой терпят лишь совершенных. Посредственность не уживается.

– Ты видела его лицо, Карин? – не унималась Оля.

– Нет.

– А я видела! Это... Это лицо мужчины!

– Логично! – фыркнула она. – Его фамилия Севастьянов! И имя вполне мужское – Николай Егорович.

– Ой, да я же не об этом! – отмахнулась Оленька, принявшись красить ногти на второй руке.

– А о чем?

– О том, что там все, буквально все настоящее, мужское! Воля, сила, характер! Это подбородок, нос, губы... Боже, вот бы меня эти губы поцеловали!

– Дурочка ты, Оленька, – произнесла со вздохом Карина.

А про себя подумала, что их генеральный директор тоже далеко не урод. Крупное сильное тело, черные глаза, взгляд которых мог прожигать. Шикарная шевелюра побитых седой черных волос. Тоже высокий. И на первый взгляд он тоже мог показаться интересным и импозантным мужчиной, но...

Но такое это было чудовище!

– Карин, а Карин! – окликнула ее Оленька ближе к обеденному перерыву.

Все это время они усиленно делали вид, что работали. Хотя Карина все больше предавалась мрачным мыслям, касающимся ее семейной жизни. А Оленька вела переписку в Сети со своей подругой.

– Что?

– А ты бы переспала с Севастьяновым? Нет?

– С какой стати?! – опешила Карина, забывая на минуту, что вчера ее благоверный порвал лист собственного резюме, над которым трудился весь вечер.

А это ее взбесило! И еще как! И она не поленилась, собрала клочки в кучку и посыпала ими его голову. И обозвала слабаком и неудачником. Потом долго извинялась, прижимаясь к его плечу на заднем крыльце, где он выкурил полпачки за полчаса.

– Нет, ну вот если бы он предложил тебе погасить твой чертов кредит...

– При чем тут мой кредит?! – взорвалась Карина.

Эти разговоры ей совсем не нравились. И она тут же заподозрила Ольгу в сговоре с чудовищем.

– Да это я так просто. У тебя кредит. У меня мечта машину иметь, как у нашего генерального. Ну вот если бы он предложил тебе исполнить твою мечту, ты бы с ним переспала?

– Мечту? Мечту говоришь?

Карина поднялась со своего места и медленным шагом двинулась к Олиному столу. Там наклонилась к ее уху почти вплотную и прошептала:

– А ты знаешь, что у меня за мечта?

– Ну... Кредит погасить наконец, – нервная улыбка дернула Олины губы ломаной линией.

– Не-е-ет, милая. У меня мечта, чтобы издохло это чудовище! Страшно! Чтобы оно горело сначала на земле, а потом в аду! Поняла?!

Круглые щечки Оленьки побелели. Она судорожно закивала.

– Вот и молодец, – похвалила ее Карина голосом холоднее морозной свежести. – И только тогда бы я с Севастьяновым переспала...

Глава 3

– И что мне прикажешь теперь делать, Валерка? – хохотал во весь голос Севастьянов. – Сжечь тебя на костре? Ничего себе условие!!!

Мельников нервно улыбался и вытирал мощную шею банным полотенцем. Ему сводило зубы от желания удавить эту мерзкую девку, которая осмелилась говорить о нем подобным образом. Ведь знала же, наверняка знала, тварь, что почти все кабинеты в офисе прослушиваются, и не побоялась говорить такие вещи! Ну, ничего! Ничего, гадина! Ты еще за это заплатишь! И он не посмотрит на то, что она приглянулась Севастьянову. Он ее уничтожит! Медленно, с наслаждением. Он заставит ее землю жрать! Заставит молить о пощаде. А он не пощадит! Он ее...

– Валера, шутки шутками, но мне хочется именно эту девку.

Мутные от выпитого глаза хозяина глянули на Мельникова жестко и требовательно. У Валеры сжалось сердце. Тот редко когда так смотрел. Но если смотрел, то это значило, что никакого отказа. Что все будет именно так, как он скажет.

И что делать?! Угораздило же ее сегодня задержаться! Опять, значит, опоздала, бессовестная. Опоздала и задержалась. И нарвалась на директора и учредителя как раз на выходе. Буквально нос к носу столкнулась, едва не наступив Севастьянову на ногу. Зарделась вся, как девочка, засмушалась, забормотала извинения. А Севастьянов встал столбом, уставился на нее, чуть склонив голову набок. Севастьянов таким образом – Мельников знал – всегда рассматривал интересующий его предмет. И Карина вдруг по воле судьбы и случая сделалась таким предметом в восемнадцать сорок пять сегодняшнего дня.

Они разошлись на входе. Мельников повел хозяина в его рабочий кабинет, такой имелся в их офисе и тщательно убирался ежедневно, хотя там и не бывало никого иногда по полгода. Они долго работали с бумагами, жонглировали цифрами. Остались довольны положением дел и друг другом. Выпили по рюмке коньяка, и тут вдруг Севастьянов спрашивает:

– Как, говоришь, ее зовут?

– Кого? – занервничал сразу Мельников, прекрасно понимая, о ком речь.

– Ту коротко стриженную блондиночку, что отдала мне ногу у входа.

– А-а-а, это Илюхина Карина Георгиевна, – Мельников пренебрежительно выгнул нижнюю губу.

– Чем она у тебя занимается? – продолжил допрос Севастьянов.

– Начальник отдела продаж, – вяло отпартовал Валера. – С повышением-то я явно поторопился, не тянет, совсем не тянет. Постоянно опаздывает. Устал от нее, честное слово!

Он говорил глупости и понимал это. Если ты держишь плохого работника, то либо тебе это зачем-то нужно, либо тебе самому грош цена как руководителю. Он нервно покусал губы. Надо было как-то изворачиваться и, главное, в этом преуспеть. Севастьянов умен и хитер, сразу поймет, что он виляет.

– Давно бы выгнал, да жалко ее. Муж год без работы, а она кредит выплачивает за дом. Плачет, просит постоянно. Жалко ее, – повторил он, решив казаться человечным. – Опять же, задерживается, выходит по выходным безропотно, без требования отгулов и оформления приказов за работу в выходные дни. Сейчас ведь все грамотные. Чуть что – об ущемлении своих прав верещать начинают.

– С ней подобных проблем нет, как я понял, – удовлетворенно кивнул Севастьянов, медленно потягивая дорогой коньяк из пузатой рюмки.

– Совершенно, – кивнул Валера и поставил свою рюмку на стол.

Руки заметно подрагивали, надо было их срочно чем-то занять. Подрагивающие руки – признак слабости. А слабых людей Севастьянов не терпел, он от них избавлялся. Пример

тому – два предыдущих генеральных директора, одного из которых Мельников благополучно подсел.

– А покажи мне ее кабинет, – вдруг резко поднялся из своего кресла хозяин.

И они пошли в отдел продаж, возглавляемый Кариной. Впереди – Севастьянов, сзади – на ватных ногах Мельников. Коридор в двадцать три с половиной метра показался ему нескончаемым. Он думал, думал, думал, следуя за Севастьяновым по пятам.

Что он задумал?! Зачем ему эта девка?! Ему что, мало других, которые прыгают ему на шею, стоит голову в их сторону повернуть?! Так там такие красотки, не чета этой длинноногой дылде, выстригающей свою белобрысую голову почти под «ноль». Может, устал от совершенства и потянуло на простоту?! Так Карина далеко не проста, это та еще головная боль. У нее такое на уме!

Кстати!

– Вот ее место, – ткнул пальцем в сторону стола в дальнем углу Мельников.

– Ага... – хозяин подошел, потрогал безделушки, выставленные на подставке монитора, взял в руки фотографию черноволосого улыбающегося мужчины. – Муж?

– Наверное, – Мельников равнодушно пожал плечами. – Проблемный будто.

– Не работает, я помню.

– К тому же еще и пьет, – поспешил добавить Валера.

– Да... С таким нелегко, – Севастьянов внимательно рассматривал симпатичное лицо на фотографии. – Или, наоборот, прекрасно... Что она-то говорит?

– По поводу?

– Вообще... – он неопределенно развел руками, поведив кистями рук, как в восточном танце. – Обо всем. О жизни, о муже? Какие у нее планы на жизнь вообще?

– Так кто же знает-то, Николай Егорович?! – будто с горечью воскликнул Мельников, панически не зная, в каком русле вести разговор. – Сами знаете, мне с моей занятостью некогда с подчиненными душевные разговоры вести.

– Да! Но зато я точно знаю: ты можешь эти самые разговоры в редкие минуты отдыха прослушивать, – и, обернувшись к нему, Севастьянов потребовал. – Давай, давай сюда свою прослушку. Я знаю, что ты всех слушаешь. Ну! Валера, не заставляй меня ждать!

Мельников почти умер в эту минуту. Он оглох, ослеп, перестал дышать.

Кто??? Какая падла наступала??? Кто сдал его Севастьянову??? Кто-то из своих??? Но этого не может быть! Он всех слушает! Он знает все о каждом. Все!!! О критических днях своих подчиненных. О сексе на стороне, о проблемах детей. О сваренных борщах и непеченных пирогах. Он все знает! Почему ни разу не понял, что за его наблюдениями кто-то тоже наблюдает??? Кто это???

Скорее всего, кто-то из уволенных наступал. Больше никому.

– Ну же! Валера!

Взгляд Николая Егоровича был полон нетерпения и только. Не было в нем ничего более. Ни осуждения, ни злобы, только нетерпение и любопытство.

– Давай-ка мы послушаем твою красавицу, – пробормотал с вожделием Севастьянов, принимая из рук Мельникова хитрую японскую штучку, включающуюся только при разговоре.

И послушали!

Лучше бы эта дрянь вообще сегодня не приходила на работу, даже пожалел ее Мельников, допивая свой коньяк в кабинете учредителя. Для нее лучше. Не будет у нее теперь работы на этой фирме, не будет опозданий, вымоленных прощений, премиальных не будет и зарплаты. Пусть как хочет, так и крутится со своим мужем-алкашом. Мало того, он ей еще то семейное счастье устроит! Он ее, гадину, мужу сдаст на предмет супружеской неверности. Себя, конечно, светить не станет, а вот ее обгадит так, что не очистится. Никогда!

Севастьянов прослушал запись несколько раз. Остался вполне доволен. А чего ему быть недовольным, собственно? Глупая девчонка Олька откровенно восхищалась им и готова была прыгнуть к нему в койку без приглашения. Говорила о нем с таким восторженным придыханием, что любого за душу тронет. Севастьянов тоже был из плоти и крови, хоть и причислял себя к небожителям.

Карина о нем тоже ничего плохого не сказала. Она и не видела его толком ни разу. И о политике его правления не знала тоже ничего, потому что не вышла рангом, чтобы быть с ней знакомой. И тоже готова была прыгнуть к нему в койку, правда, условия выдвинула немыслимые, овца!

– И что мне прикажешь теперь делать, Валерка? – хохотал во весь голос Севастьянов. – Сжечь тебя на костре? Ничего себе условие!!! Тоже нашла инквизитора, ха-ха-ха. Да и ты не Джордано Бруно! Ха-ха-ха... – захлебывался смехом Севастьянов.

Они уже пару часов как уехали из офиса и отдыхали в загородной резиденции Севастьянова, где с обеда топилась баня. Мельников баню не любил – не видел особой нужды истекать потом и задыхаться от жара. Больше бассейн любил и теннис. Но с хозяином-то не поспоришь – тот любил парную, значит, ее должны были любить все, кому он платил. А после парной любил покуражиться, с девками там или со стрельбой по тарелкам. Сегодня девок не было, ружья тоже не доставали. Сегодня доставали Мельникова.

– Эта твоя Карина... – Севастьянов сделал из пальцев воронку, покрутил ею в воздухе. – Такая, скажу тебе штучка...

Спросить, почему Карина его, Мельников не осмелился. Если Севастьянову кто-то настучал про прослушку в кабинетах, то могли оповестить и о том, что он с Кариной регулярно в дни ее опозданий запирается в своем кабинете. И могли добавить, кстати, что не с ней одной это делает.

Интересно, как относится к этому хозяин? Он вот лично относится к этому, как к спорту. Ему на них плевать, на этих офисных баб. Он их даже презирал за покорность. И Карина не была исключением. За то, чтобы сохранить свое рабочее место и весьма приличную зарплату, такое порой вытворяла!

Поэтому реплику хозяина он оставил без комментариев, лишь слабо пожав плечами.

– Слушай, а расскажи мне, брат Валерка, как разработки нашего с тобой нового проекта себя чувствуют? – отошел через полчаса от фривольных тем Севастьянов, снова возвращаясь к работе. – Туговато идет? Чего не хватает? Связей или ума?

Мельникова обдало холодом, невзирая на то, что в предбаннике, где они теперь отдыхали, было невыносимо жарко.

Проект!!! Это и не проект был даже, а так, одна пока говорильня! В одном телефонном разговоре, состоявшемся очень-очень давно, Николай Егорович обмолвился, что неплохо было бы освоить еще одно направление, что оно пока не так хорошо освоено в их регионе, и ниша, мол, пока не заполнена. Можно туда влезть и освоиться.

Поговорили – и поговорили. И что дальше? Ни тебе денег на откаты, ни тебе нужных людей. Помощи-то никакой с его стороны! А он что – господь бог?! Он сунулся к одному, сунулся к другому, ему по носу только что не чпокнули, осторожно указав его место. Он и успокоился. И решил, что если Севастьянов вспомнит когда-нибудь, он все скажет.

Севастьянов не вспоминал долгое время. Вообще ни разу, будто того телефонного разговора и не было вовсе! Мельников и сам забыл. Пока пару месяцев спустя после того телефонного разговора к нему не явился один из тех, к кому он в свое время обращался по этому вопросу за консультацией.

– Слышь, Валерий Сергеевич, а тема-то стоящая, – шептал он, перегнувшись через стол в кабинете Мельникова. – Я тут пробил по своим каналам, можно все это без посредников из Германии таскать за копейки!

– Так и таскай.

Он слушал его рассеянно, можно сказать, почти не слушал. Раз Севастьянов об этом забыл, ему-то это зачем?!

– Так деньги нужны, Валерий Сергеевич, – последовала жалкая улыбка. – А у меня их, сам знаешь, нет.

– А у кого есть? У Севастьянова? – Он снова был весьма рассеян, даже теперь и не вспомнить – почему.

– Ой, да при чем тут твой Севастьянов!!! – вспыхнул визитер. – Не надоело на чужого дядю горбатиться?! Долго будешь за зарплату корячиться?!

Мельников отвлекся от бумаг, глянул на гостя.

Эта мысль неоднократно посещала, но не его – нет. Эта мысль посещала неоднократно Машку. В ее безмозглой голове регулярно созревали мысли о подобной независимости.

– Хребет ломаешь год за годом на этого олигарха! – ворчала она, разминая его затекшие плечи перед сном. – Кто он такой?! Бездельник по большому счету! На яхте на своей плавает по морям, да телок снимает! Прилетает сюда раз в год, уму-разуму учит, блин! Ты давно уже сам рулишь, Валер. И капитал у тебя есть. Чего не начать собственное дело, а? А вдруг он тебя уволит, а? Что тогда? По миру пойдем?..

По миру идти он боялся пуще смерти. Картинки прошлой голодной жизни регулярно посещали его и так же регулярно снились. И поэтому, подперев пухлую щеку кулаком, он внимательно выслушал визитера. Очень внимательно...

– Так что, Валера? – поторопил его с ответом Севастьянов. – Или ты забыл?

– Как можно, Николай Егорович! – делано возмутился Мельников. – Работал, и очень плотно, людей трепал, и значимых людей, – он назвал несколько фамилий, бывших на слуху в деловых кругах. – И толку?

– Что сказали? – Севастьянов взял в руки вареного рака, принялся рассматривать его клешни, будто видел впервые.

– Посоветовали ерундой не заниматься и не тратить время. На откатах, говорят, разоришь своего хозяина. Я еще какое-то время позанимался этим вопросом, получил пару предупредительных звонков, – соврал Мельников, ему никто не звонил и тем более не угрожал. – И затих. Вы были в тот момент недоступны, кажется, где-то отдыхали. И я... Перенаправил всю энергию по основному направлению, цифры вы видели.

– Да, видел, – согласно кивнул Севастьянов, швырнул рака обратно на блюдо. – Молодец, что могу сказать! Фирма процветает. Прибыльно – это хорошо. Хотелось бы, конечно, расширить, но... Раз все, как ты говоришь, значит... А все так, Валера?

Мельникова снова прошибло ледяным потом. Севастьянов смотрел на него вроде бы как всегда. Глаза сонно моргали после бани и ледяного пива с раками. Тон его был обычным, в нем не чувствовалось подтекста или намека. Ничего такого, из-за чего Мельникову следовало бы паниковать.

А вдруг нет?! Вдруг он что-то упустил?! Вдруг где-то прокололся со своим осторожным компаньоном, который вопреки всем его протестам называет его коллегой?!

В горле застряла пивная горечь. В ушах зазвенело, наверняка давление скакнуло. Вот она, банька-то, как неудачно отполировала бокал коньяка и две бутылки пива. Машка теперь снова триндеть будет, массируя ему виски.

– Буду еще пробовать, Николай Егорович, – отозвался Мельников, вытерев ледяной пот со лба краем громадного махрового полотенца. – Вы же знаете, я настырный. Я так просто не сдамся.

– Вот и молодец! – Севастьянов протянул ему руку, дружески улыбнулся. – А теперь давай подумаем, как нам укротить твою Карину и при этом тебя оставить в живых, ха-ха-ха!!!

Глава 4

Грищенко Иван Иванович с удовольствием вертел в руках новенький телефон. Честно – он его еще не освоил, а еще честнее – не хотел его осваивать, слишком много в нем было наворотов. Но купить такой телефон ему посоветовала его секретарша Марина.

– Вы бываете на встречах, Иван Иванович. Вам звонят. И что?! – Она делала страшные глаза, надувая при этом пузырь из жвачки невероятных размеров.

– И что? – Он сидел на краю ее стола и целился кончиком карандаша в жвачный пузырь.

Попал! Бах! И пузырь повис лохмотьями на Маринкиных щеках и подбородке. Но она не обиделась, ловко собрала все лохмотья языком и снова принялась энергично жевать.

– И вы достаете свою допотопную раскладушку! Это не телефон, Иван Иванович! Это конфуз, Иван Иванович! Знаете, что о вас подумают в ту же минуту?

Он держал карандаш на изготовку, в ожидании нового пузыря, который должен был вот-вот вылезти из Маринкиного рта.

– Что?

– Что вы, простите меня, лох! И никто не захочет с вами иметь никакого дела!

– Да ладно! Из-за телефона? – не поверил он, двинув тощей задницей по столешнице.

– Не из-за телефона, а из-за того, что вы не уделяете должного внимания своему имиджу. А телефон – часть имиджа. Я уж не говорю о ваших рубашках и штанах, прости господи! Ладно, на это некоторые не обращают внимания. Но вот телефон, машина, компьютер – это все должно быть у бизнесмена первоклассным.

Маринка сплюнула жвачку в корзину для мусора, тем самым разочаровав его. Скрестила руки под полненькой грудью.

– Если вы собрались перещеголять своего напарника, то вы должны для начала достичь хотя бы его уровня, – нравоучительным, как у преподавателя, тоном проговорила Марина. – Вы видели его машину? Его пиджаки и галстуки? А запонки? Его запонки дороже вашего телефона, который я вас еле-еле уговорила купить.

– И ладно! – фыркнул он пренебрежительно, хотя ее слова его сильно задели. – Подумаешь! Он сколько в бизнесе крутится? А я? Я только начал! И дела-то, Маринка, дела уже идут!

– Не спорю, – она кивнула в сторону монитора. – За прошлый месяц заявок от клиентов столько, что нашему уважаемому Валерию Сергеевичу придется еще раскошелиться.

– Да ладно! – ахнул Иван с восхищением и тут же съежился, как в ожидании удара. – Блин, опять у него денег просить... Ныть начнет...

– А как он хотел! – фыркнула Марина. – Хочет иметь левый бизнес, хочет иметь прибыль – должен вложиться! Он рискует только баблом, а вы...

– А я?

Грищенко усталился на нее, как на оракула.

Маринка была его талисманом, его поводырем, музой, помощником. Маленькая, полненькая, с копной длинных волос, выкрашенных в густой черный цвет, с тремя сережками в каждом ухе, она казалась на первый взгляд непривлекательной и нелепой, о чем ему Мельников в первый свой визит в их офис и заявил.

– Ты что это за чудовище посадил в приемной?! Лучше не нашлось?

– Лучшим и платить надо лучше, – промямлил Грищенко, глядя на Мельникова снизу вверх. – А эта за двадцатку пашет как лошадь – и секретарем, и бухгалтером, и менеджером по сбыту.

А про себя добавил, что еще и спит с ним за так. А за так, по его личному мнению, с ним спать мало кто согласился бы. Потому как был он мал ростом, рыж волосом, непривлекателен лицом и до недавних пор нищ как церковная мышь.

Маринку он нашел возле доски объявлений. Маленькая пухленькая девушка, обрывающая лепестки с телефонами возможных работодателей, в безобразно тесных и коротких шортах и майке в обтяжку, показалась ему напрочь лишенной принципов и комплексов. Он ее окликнул, представился и предложил работу. Она смерила его с головы до ног цепким взглядом и спросила:

– Спать, я думаю, мне тоже с вами придется, Иван Иванович?

Он дико засмутился, его многочисленные конопущки на лице сделались темно-коричневыми. Он что-то невнятно промямлил и пригласил обсудить условия в его офисе. Офисом была двухкомнатная квартира на первом этаже многоэтажки, которую предприимчивые хозяева переделали под офис и сдавали в аренду. Тесная прихожая, потом крохотная комната, отведенная под приемную, и гостиная, в которой расположился он сам. В ней они и заключили соглашение на взаимовыгодное сотрудничество и взаимопонимание, расположившись прямо на полу.

– Вы суперский мужик, Иван Иванович! – отдуваясь после трех порций секса с изголодавшимся Грищенко, провозгласила Маринка. – Но я все равно призываю к субординации.

– То есть?

– То есть я буду говорить вам «вы», и называть по имени-отчеству. Отныне вы мой работодатель, любовник, друг. Я буду служить вам верно и преданно, потому что...

Эту фразу она закончила месяцем позже, признавшись, что никто не брал ее на работу долгое время из-за ее нескладной внешности и независимого характера. И постель ее пустовала почти год до их внезапной встречи. Но после встречи с ним она вдруг поверила в свою и его счастливую звезду. И предсказывала ему шикарную жизнь в будущем. И он ей верил! И ценил ее. И прислушивался почти к каждому ее слову...

– А я чем рискую, Марина? – отвлекся от воспоминаний Иван.

– А вы рискуете своим именем! Рискуете всем! В том числе и жизнью!

– Ух ты! – Он озадаченно потер затылок. Так далеко он не заходил в своих опасениях. – А почему жизнью-то?

– Сделка сорвалась, предъявы кому? Вам! Мельников-то в тени. О его участии никто не знает! Хорошо еще, если клиент нормальный, а если из этих, из бывших? – Она мотнула головой в сторону окна, ее грива резко колыхнулась. – Эти про паяльник и уютю никогда не забывают! Ладно, мы отвлеклись, я хотела бы вернуться к вашему внешнему виду, Иван Иванович.

Он тут же бегло осмотрел свои льняные дешевые брюки, купленные на распродаже, футболку с выцветшими подмышками и дешевые сандалии, надетые на черные носки, не гармонизировавшие по цвету ни с одним предметом туалета.

– Разве что с трусами! – фыркнула Маринка, подытожив: она с утра уже проверила, какие на нем трусы. – Нужно срочно менять гардероб, Иван Иванович. Срочно! Тем более что на послезавтра у вас назначена встреча с потенциальным клиентом. Если вы заключите с ним договор – это перспектива! А если нет – это труба! Надо начинать играть по-крупному, а эта рыба – крупная. А мелочовка вроде той, что вы сейчас имеете...

– Не такая уж мелочовка, Марин, – укорил ее Грищенко. – У нас за два последних месяца выполнение плана – двести пятьдесят процентов!

– Это все равно не миллионы долларов. А направление обалденное! Его доить и доить! Думаете, зря Севастьянов в эту сторону в свое время взор обратил? Нет, не зря.

– Обратил он! – проворчал Грищенко. – Чего же не доработал-то?

При имени этого богача у него все время ныла шея: так и чудилось, что на ней смыкаются пальцы этого чертового олигарха, у которого он увел из-под носа перспективное направление – тихо, почти без усилий. Правда, пришлось не раз унижаться перед Мельниковым, но это все ерунда.

Такая удача бывает, но редко. Ему вот повезло, потому что должно было когда-то начать везти.

– А не доработал, потому что устал. И больше стал отдыхать, чем работать. Больше дрейфует в заграничных водах, загораю с красотками на палубе, нежели делами занимается. И передоверился нашему толстяку. Сгенерировал идею и не приложил к ней руку. Но мы-то знаем, что ни один бизнес нельзя доверять на сто процентов исполнителям – никому, никогда. А если доверил, то проверяй, проверяй! А он не проверил потом... Но случись по-другому, мы бы тут не сидели сейчас. Так ведь, Иван Иванович? – Она улыбнулась, обнажив кривенькие зубки.

Она снова говорила умные вещи, эта пухленькая дурнушка, невозможно обтягивающая свои непропорциональные формы.

– Сегодня, после восемнадцати ноль-ноль, – провозгласила Марина, вооружаясь маркером для работы с документами, – нас с вами будет ждать одна моя знакомая.

– Для чего?

Он сразу перепугался. Он не хотел никаких других знакомых! Ему достаточно было Маринки. Новая женщина, новые проблемы и возможные новые унижения. Ему их хватило в браке с бывшей женой.

– Для того, чтобы помочь нам вас приодеть по деловому, стильно и недорого. У нас с вами перспективная встреча. Если нам с вами пару-тройку таких клиентов, Иван Иванович... – она мечтательно закатила глаза, сегодня они были синими-синими: она почти каждый день меняла линзы, – то тогда ваще-е-е...

– Что – ваще? – передразнил он ее беззлобно.

– Через год, а то и раньше, нам тогда с вами этот упырь Мельников и нужен не будет! И мы от него благополучно избавимся. Как от балласта, Иван Иванович! – закончила она с победным смехом...

Глава 5

– Ой, не доверяю я ему, Валерочка! – подвела черту Мария, после того как он вернулся за полночь, завалился в ванну и под массаж все ей рассказал.

– Кому конкретно?

Он рассеянно гладил ее голое бедро. Машка по его просьбе массировала его шею и плечи совершенно голой. Большая, белокожая, гладкая, как бок его внедорожника, пахнущая мятой. Он обожал ее мягкое тело, обожал прикосновения к себе ее рук, ее груди, пухлого живота. Он любил ее по-своему и доверял пока только ей. Идиоты те мужики, которые избавлялись от жен, с которыми совместно выбрались из нищеты и стали богатыми. Только они могут быть верными друзьями, только они – с кем делился последней коркой хлеба.

Другие, заявившиеся на все готовое, разве способны будут понять тебя?! Разве способны будут экономить при, казалось бы, больших деньгах?! Им бы только тратить! Им бы только расточительствовать! Они же не понимают, эти голозадые красотки, что богатым может считаться не тот, кто много зарабатывает, а тот, кто разумно тратит.

Машка тратила разумно. Порой даже слишком, за что он ей выговаривал. Но все равно ценил в ней даже это скопидомство. Может, и не было в нем ничего хорошего, но и плохого не было ничего точно.

Ну и конечно, не стала бы ни одна длинноногая кобылка встречать его за полночь у порога с тревожным вопросом в глазах. Потом долго слушать, мыть его, массировать шею и плечи. Подруга! Настоящая боевая подруга! Хоть и глуповата немного.

– Что дети? – резко сменил он тему.

Машка, когда принималась философствовать, начинала действовать ему на нервы и казалась особенно глупенькой и наивной.

– Дети, как всегда, – безропотно подчинилась она новому повороту в разговоре. – У Сереги какие-то хвосты, все опять сдает... Игорь укатил с друзьями на какие-то соревнования в Новгород. Софийка захотела изучать китайский. Ищет с учительницей своей возможного репетитора. Я-то кого могу порекомендовать?

– Это точно, – отозвался он, подавив смешок. – Что работники? С ними все нормально? Скоро день зарплаты, штрафовать не за что?

– Все нормально, – она принялась мягкими ласкающими движениями массировать ему уши, он заурчал, как огромный кот. – Работают, слушаются. Штрафовать не за что. Валерочка, не доверяю я ему.

– Да кому не доверяешь-то? – отозвался он сонно, решив, что пора перебираться в кровать, иначе он уснет тут в ее руках.

– Ваньке этому! – отозвалась Машка ворчливо и потянулась за полотенцем. – Хлыщ он рыжий, Валерочка.

– Он компаньон, Машка. Верный, надежный.

Валерий тяжело поднялся из остывшей воды, тряхнул головой, разбрызгивая воду. Взял из рук жены полотенце, кое-как обмотался им и тяжелой поступью двинулся к кровати. Рухнул на спину и тут же закрыл глаза, притворяясь спящим, чтобы Машка перестала бухтеть.

Он слышал, как она ходит по спальне, надевая трусы и широченную ночную сорочку из натурального шелка – тоже его блажь. Слышал, как осторожно ложится рядом, чтобы не потревожить, и вздыхает, вздыхает без конца. Плохо вздыхала Машка. Тяжело и тревожно. И у него от этого сделалось нехорошо на душе.

Жена, она хоть и не великих мозгов у него была, но чуйку имела. И если вдруг тревожилась, то вряд ли попусту. В Сереге-то – старшем сыне – сразу углядела червоточину.

– Толку не будет из него, Валерочка! – подвела она как-то итог после очередной проваленной сыном сессии. – Остолоп наш первенец!

Он тогда с ней не согласился, даже поспорил и приказал не каркать. А итог? Итог плачевен. Серега третий вуз штурмует, а толку? Двадцать пять лет парню, а до сих пор ни одного диплома.

– Маш, а Маш, – он легонько двинул ее коленом.

– Чего? – отозвалась она тут же и повернула голову в его сторону.

– В самом деле считаешь Ваньку прохвостом?

– Не прохвостом, а хлыщом, – поправила она его и нежно погладила по мощному плечу. – Хоть разница и не большая, а все же есть, Валерочка. Хлыщ, по моим понятиям, – пустой никчемный человек. Он и предаст, не задумываясь, если обстоятельства будут не в его пользу. А прохвост – это хуже, Валерочка.

– Чем же хуже? – Он улыбался с закрытыми глазами, потешаясь над Машкиной философией.

– Прохвост, Валерочка, кинуть желает, еще с тобой не договорившись. Он уже идет к тебе с такими намерениями.

– Ишь, ты! Ванька, стало быть, не прохвост? – уточнил он с широкой улыбкой.

Вздумала его учить, дура-баба! Он этого Грищенко Иван Ивановича пробил по всем статьям, прежде чем деньги свои в дело вкладывать. Тихий, незаметный человек, никаких косяков за ним нет и не было. Был неудачный брак. Союз изначально был проигрышным. Странно вообще, как могла высокомерная красавица Катя выйти замуж за этого тихого неудачника? Какой потенциал в нем рассмотрела десять лет назад? На пять лет ее хватило. Потом ушла к яркому, удачливому, высокому и красивому. Грищенко тогда чуть не умер от горя. Великих сил ему стоило восстановиться. И тут, на его счастье, ему Мельников подвернулся со своей суетой, навязанной хозяином бизнеса Севастьяновым.

Ох, как он тогда уговаривал Мельникова вложиться! Как умолял! Даже руку поцеловал, когда уговорить удалось. И едва не плакал, и клялся в вечной верности. Никогда, говорил, не предам. Никогда! Мельникову было плевать на его клятвы. Он знал: если этот рыжий малый захочет его кинуть, он его просто уничтожит, и все...

– Нет. Ванька не прохвост, – ответила с запозданием Машка: видимо, размышляла. – Он хлыщ, Валерочка. Слабый, тихий, незаметный. Не люблю я таких. Скользкие они. Никогда не знаешь, чего от них ждать.

– Ты и Севастьянова не любишь. Говоришь, сделан из противотанковых ежей, – напомнил ей Мельников, проваливаясь в сладкую дрему.

– Севастьянова я боюсь, – вдруг встрепенулась Машка, разгоняя его дремоту. Приподнялась на локте, нависла над ним, как огромное белоснежное облако: – И ты его бойся, Валера! Севастьянов – дьявол!..

Он почти не слышал последних ее слов – провалился в сон, как в черную яму, и проспал без сновидений до самого утра, хоть это хорошо. Проснулся до будильника, тут же выключил его, чтобы не слышать мерзкого визга. Пошел в спортзал, оборудованный в цокольном этаже, и там провел полчаса, качая пресс, отжимаясь. Немного походил по беговой дорожке – бежать что-то сил не осталось. Когда вернулся в спальню, Машки уже не было: хлопотала с завтраком. Он принял душ, побрился, оделся, спустился к завтраку – и глазам своим не поверил: за столом сидела его любимая дочка Софья.

Милый ребенок пятнадцати лет сидел к нему боком, давая возможность полюбоваться своим точеным профилем. Мельников вообще удивлялся частенько: в кого она удалась такой красавицей? Они с Машкой грузные, здоровые. Сыновья им под стать: с мощными руками, массивными затылками, громадными ступнями и кулаками. Странно, как с таким телосло-

жением средний Игорек какие-то кульбиты в плане прыжков может выделывать. Но что-то у него получалось, раз грамоты и кубки с соревнований регулярно возил. Может, не свои, а?..

Софийка была не такой. Она была тоненькой, высокой, грациозной, с прекрасными черными глазами и темными волосами до пояса, которые она вопреки наставлениям матери не хотела стричь. Черты лица были правильными, точеными, ручки – маленькими, изящными. Когда она держала его за щеки и целовала в лоб, Мельникову хотелось плакать от счастья. Он так ее любил!

– Привет, красавица моя! – с тихой нежностью произнес он, целуя дочь в макушку.

– Привет, пап! – Она погладила его по руке.

– Чего так рано встала? У тебя же вроде каникулы? – Он сел на свое место во главе стола, требовательно глянул на жену: – Что там у нас на завтрак?

Мог бы и не спрашивать. Валентина всегда готовила по три-четыре блюда. Кушайте кто что хочет. Он хотел всегда много, сыновья и Машка – тоже. Одна Софийка обходилась ложкой каши, стаканом сока и наперстком кофе без сахара.

– Я рано, пап, потому что нашла репетитора по китайскому языку. Мама тебе сказала, что я хочу изучать этот язык?

– Да, что-то такое говорила. Кто преподаватель? Я его знаю? Где будут проходить занятия? Сколько стоят? – забросал он тут же дочь вопросами, погружая вилку с ножом в громадный рубленый бифштекс.

– Ой, все, знаешь, сложилось просто превосходно! – воскликнула Софийка, глянув на отца с нежностью. – Моя преподавательница английского тоже хочет изучать язык и предложила заниматься у нее. А я же с ней, у нее уже английским занимаюсь. Так что метаться по городу не придется. Денег не много, пап, тысяча в час.

– Рублей?

– Ну не евро же! – фыркнула Софья и рассмеялась. – Препода не знаю, кто-то из ее давних знакомых. Сказала, что человек надежный и порядочный.

– Мать? Что скажешь?

Мельников глянул на Машку, сонно зевающую над тарелкой с яичницей. Понятно, рано встала из-за дочери. Он-то в одиночку привык по утрам обществом Валентины обходиться и не требовал никогда ее ранних подъемов.

Сейчас их проводит и снова завалится. Вот корова! Он с неожиданным раздражением отметил, что Машка с утра выглядит отвратительно. Кожа щек бледная, дряблая. На голове – воронье гнездо. Хоть бы расческу в руки взяла, корова! Долбишь, ей долбишь, посети хоть раз косметолога. Сейчас лазерная хирургия творит чудеса. В таких красавиц дурнушек превращает. А она только ржет в ответ. Ржет и жрет! Ржет и жрет! Корова!

Вдруг некстати вспомнилась Карина и весь этот отвратительный разговор о ней с Севастьяновым. Ох, как пришлось вчера ему изворачиваться, как вилить, пытаясь увести разговор в другую плоскость! Интересно, успокоился Севастьянов, нет? Долго говорил про нее вчера хозяин, очень долго. И что нашел в этой длинноногой стриженной телке?! Какую изюминку?

Нет, она, конечно, симпатичная, спору нет. Фигура в порядке, грудь как камень – не рожала потому что еще, и, видимо, не собирается. Но таких красоток у него в офисе пруд пруди! А что он с ней чаще, чем с остальными, так остальных и наказывать нет необходимости так часто. А эта гадина обнаглела настолько, что сгореть заживо ему желает. Он ей устроит сожжение! Он ей самосожжение устроит! Вот только Севастьянов уедет и тогда...

– Маш! – резко окликнул он жену, не отреагировавшую на его вопрос. – Что скажешь?!

– Если через Аллу Михалну, то я не против, – отозвалась она меланхолично. – Она уже сколько лет с Софочкой занимается. Плохого не посоветует. Да и тысяча рублей в час – это недорого.

Недорого! Мельников с силой сжал вилку, оплаченную, между прочим, его деньгами! Что она понимает в том, что дорого, а что нет?! Сидит тут за высоким забором с утра до ночи, жует, гуляет по саду. Что она может вообще понимать в жизни?! «Дура тупая», – решил Мельников про себя. И вдруг вспомнил вчерашние слова Севастьянова, почти пропущенные им мимо ушей. Просто был очень сосредоточен на том, чтобы не накосячить в разговоре, вот и пропустил. А сейчас вдруг вспомнил.

– Мне нужна женщина-союзник, Валера, – говорил Севастьянов заплетающимся языком. Это когда они уже из бани в гостиную его загородной резиденции перебрались. – Умная, волевая, чтобы могла блеснуть эрудицией в высшем свете. Надоели, понимаешь, надоели тупые красивые суки! Алчные и тупые! Ты их глаза видел, Валера? А я видел! Там пустота-а-а-а... А я хочу, чтобы там ум искрился! Пусть будет дерзкой, язвительной, непокорной, но не пустой и эгоистичной! Устал я от таких сук, устал, Валера. А эта Илюхина Карина твоя...

И Севастьянов снова начал доставать его подробностями о характере начальницы отдела продаж. По Мельникову, Илюхина как раз и была тупой эгоистичной сукой. А как еще? Нет, ну сколько можно опаздывать?! Ну, через день почти! А потом корчится от отвращения, уступая его требованиям! Так не опаздывай – и наказана не будешь! Или возьми и уволься! Он не против. Он отпустит. На ее место – очередь желающих. И не только в кабинет, но и в его койку. Не всех так от него воротит, как ее. А она тупо сидит, не увольняется. И так же тупо опаздывает. Идиотка! Непонятно, что Севастьянов в ней разглядел?

Что касается его лично, то он бы такую женщину для души и высшего света никогда бы не выбрал. Ну, и с Машкой, конечно, в высший свет не сунулся бы, конфуза не оберешься. Он бы выбрал женщину...

– Валера, ты не слышишь? – Машка смотрела на него, подозрительно сощурившись. – О чем размышлялся-то?

– Что? – Он нежно улыбнулся дочери, тем самым давая добро на репетитора. – Что хотела, Маша?

– Тебе звонит твой хлыщ, – фыркнула она.

– Машка! – прикрикнул на нее Мельников и саданул рукой по столу. – Прекрати тут свои штучки-дрючки!

– Телефон возьми, – огрызнулась она.

Слезла со стула и поплелась к лестнице на второй этаж досыпать, не заметив, что ночнушку зажала ягодицами. Мельников еле сдержался, чтобы не плюнуть ей вслед. Жена, конечно, одна и на всю жизнь, но иногда...

– Да! – взял он в руки трубку домашнего телефона.

– Валерий Сергеевич, это я. Доброе утро, – слабым голосом, как тяжелобольной, приветствовал его Грищенко. – Говорить удобно?

– Да, – Мельников отодвинул пустую тарелку из-под бифштекса и жестом указал Валентине на кофейник.

– Тут такое дело... Вчера у меня состоялась встреча с потенциальным клиентом. Довольно крупная рыба, скажу я вам! – Голос партнера окреп, будто тяжелая болезнь отступала. – Он готов к сотрудничеству, но...

– Но – что?

– Но условия договора у него немного не типовые.

– То есть?

– То есть он хочет оплатить сначала пятьдесят процентов товара, потом получить товар и оплатить все остальное в течение пяти банковских дней, – и Грищенко будто снова слег, потому что почти осип.

– То есть ты мне предлагаешь вложиться? Рискнуть ради призрачного успеха? Клиент новый, условия кабальные. Ты идиот, Ваня? Я правильно тебя понял: я снова должен вбухать

бабло? Я, твою мать, еще те деньги не отбил! Тебе еще пахать и пахать, чтобы вернуть мне долгу. И ты снова предлагаешь мне делать денежные вливания?!

– Нет, то есть да, – он совсем перешел на шепот. – Нужны деньги, Валерий Сергеевич.

– Иди к черту, Ваня!

Мельников тут же прокрутил в голове, ради чего и сколько он может дать денег. Получалось, что может, и немало. Но только если конечный результат превзойдет все ожидания.

Так и оказалось! Когда Грищенко срывающимся от волнения голосом назвал цифру, Мельников заметно повеселел. Это был шанс, это был прорыв. При таком заказе им гарантированы скидки от поставщиков, и это здорово.

– Ну... Надо подумать, Ваня. Так сразу я не могу, – принялся Мельников ваньку валять.

– Валерий Сергеевич, дорогой вы мой человек, – заныл компаньон. – Подписание контракта завтра!

– Ох, господи! – смиренно выдохнул Мельников. – А клиент? Не кинет?

– Да вы что?! Мы уже несколько месяцев работаем, Валерий Сергеевич, нас кто-то кинул? Вы же знаете, как я ко всему подхожу! Все документы в полном порядке, я проверил по всем источникам. Клиент надежный, поверьте!

– Поверьте! – фыркнул Мельников и потянулся к сигаретной пачке: он позволял себе выкурить сигаретку после завтрака. – Это ведь не ты деньгами рискуешь, так?

– Мы с первого дня с вами рискуем, Валерий Сергеевич, – голос Грищенко стал нормальным, крепким, уверенным. – И что в итоге? В итоге наш счет регулярно пополняется! И не просто пополняется, он пухнет от денег! Уважение и доверие растет, клиентская база ширится и... Валерий Сергеевич, когда вы сможете перечислить деньги?

– Ох, господи... – он уже решил, что сегодня после обеда, но хотел еще немного помучить наглого компаньона, который иногда называет его подельником. – Подумаю, подумаю. Обещаю, что подумаю. Позвоню, если решу. Все! Мне некогда! Пора на работу. Еще неизвестно, сколько тут пробудет Севастьянов...

Севастьянов, как оказалось, улетел под утро. Позвонил Мельникову, уже приземлившись. Объяснил спешку какими-то проблемами с оформлением стоянки для яхты, что его яхту то ли арестовали, то ли собираются арестовать за неправильно оформленные документы; был нервным и возбужденным и про Карину, слава богу, не вспомнил. Зато Мельников о ней не забыл, и о ее вчерашних словах не забыл тоже. И решил, что если сегодня эта сука опоздает, он ее в угол голой поставит на весь день в своей уборной! Вот прямо за писсуаром и поставит на колени! На весь день! И когда будет мочиться, непременно станет на нее попадать!

Гадина! Что удумала?! Переспать с Севастьяновым в награду за то, чтобы тот сжег заживо Мельникова!!! Да за это ей...

Да это уголовная статья, черт побери! Да он, если захочет, в суд на нее подаст! Он ее...

– Илюхину ко мне! – приказал он, как только вошел в приемную.

Секретарша – вялая, меланхоличная Танечка – тупо кивнула в ответ, не отрывая взгляда от монитора. Он взорвался! Она, эта дохлая рыбина, должна подпрыгивать, когда он заходит в приемную! Должна по стойке «смирно» стоять! А она глазищи свои водянистые в монитор таращит и на него – ноль внимания. Дрянь!

– Что там у тебя, Таня?! – Бешеным движением он рванул на себя ее монитор и тут же едва не надел его ей на башку. – Та-а-ак! Выигрываем, нет?!

На зеленом поле монитора был разложен карточный пасьянс.

– Сто процентов премии! – Он прочертил пальцем минус. – Еще раз замечу – выпорю! И твоя двоюродная тетка тебе не поможет!

Двоюродной теткой Татьяны была Машка. Она устроила племянницу в приемную к мужу, решив глупой своей башкой, что пристроила туда свои глаза и уши. Но Мельников

Таньку предупредил сразу: будет стучать – он ее живьем зароет, и не найдет никто. Танька его боялась, больше чем тетку, поэтому обо всех его чудачествах помалкивала. И наглела, как оказалось, помаленьку. А может, стоило ее за непослушание наказать, а?

Мельников прошелся по ее плотной фигурке щупающим взглядом.

Среднего роста, упитанная, подмышки вечно мокрые, кудрявые от природы волосы в постоянном беспорядке, лицо рыхлое, как у тетки. Нет, не хочет он ее. Как женщину не хочет. А вот выпороть запросто может – перевалить через диванный валик в своем кабинете, задрать юбку, стащить трусы, обнажив бледные ягодицы, и шлепнуть с десятков раз ладонью, ну, или полуметровой пластиковой линейкой. Имелся у него в кабинете такой предмет для экзекуций. Илюхина с ним, с этим предметом, очень хорошо знакома. Кстати...

– Она хоть на работе? – уточнил он, открывая дверь своего кабинета.

– Да, – проявила удивительную сообразительность Таня.

– Живо ее сюда! – Мельников скрылся в кабинете.

Надо же! Не опоздала сегодня! Поняла, наверное, что вкупе с ее вчерашними высказываниями сегодняшнее опоздание будет для нее смертным приговором. Как же, как же, как же с ней себя вести?! Поставить все же на колени ее голышом в уборной? Или повременить? А ну как Севастьянов, в течение дня разобравшись с зарубежными муниципальными претензиями, снова о ней к вечеру вспомнит? И позвонит, и попросит за нее. Или вообще прикажет ее доставить к нему на яхту.

Черт! Надо с ней поосторожнее. Вдруг вырвется в фаворитки? Что тогда?!

Карина зашла в его кабинет, как в клетку с тиграми. Прикрыла дверь, привалилась к ней спиной. Длинные ноги прикрыты до коленей тонкой трикотажной юбкой, обтягивающей так плотно, что заметны все резиночки ее малюсеньких трусиков. Короткая блузка, застегнутая до самого подбородка, не закрывает пупка, в котором резвится на солнце камушек. Вроде и одета скромно, а вроде и голышом. Нет, зря Севастьянов на нее ставит! Сука эта Илюхина, сука и просто шлюха.

– Карина Георгиевна, я тут ваш товарный отчет просмотрел, – ткнул мощным пальцем в папку с бумагами Мельников. – Что хочу сказать...

Она задержала дыхание на время продолжительной паузы, выдерживаемой им намеренно, вытянула шею, которую он с наслаждением всегда обхватывал пальцами, выдвинула подбородок, грудь резво вздымалась, камушек в пупке пульсировал.

– Все замечательно, Карина Георгиевна, – закончил неожиданно даже для самого себя Мельников.

И тут же решил, что раз интуиция, опередив его, распорядилась именно так вести себя с ней, то пускай так оно и будет.

– Я доволен вами, как никогда, – он улыбнулся одними губами, продолжая взглядом рвать на ней одежду в клочья.

– С-спасибо, – неуверенно отозвалась Карина и кивком указала на папку. – Мне это можно забрать?

– Нет, – его огромная ладонь легла на документы. – Пусть полежит у меня до вечера. Нужно еще кое-что посмотреть. Вечером заберете...

Вечером! Если Севастьянов не позвонит насчет нее, он юбочку-то эту на ней сегодня задерет до самых лопаток. Если не позвонит. Ну, а если позвонит и особо распорядится, то тогда уж придется воспользоваться еще чьими-нибудь услугами. Кто там самый стремительный в желании ему угодить? Он задрал глаза к потолку, вспоминая прослушанный на прошлой неделе разговор.

Да, особо рьяной была Оленька – соседка Илюхиной по кабинету. Той, кажется, было без разницы под кого ложиться. Вчера вот готова была Севастьянову дать.

– Все, можете быть свободны, Карина Георгиевна, – поторопил он неуверенно мнущуюся у дверей Илюхину.

– Хорошо, спасибо, – она приоткрыла дверь, но тут же ее снова плотно прикрыла. – Валерий Сергеевич, я могу попросить?

– Да, да? – Он поднял на нее рассеянный взгляд.

– Могу я попросить аванс?

– Аванс?!

Он чуть не сорвался с места и не запер кабинет на ключ. Девка обнаглела от его похвалы? У них и так дважды в месяц выплаты заработной платы производятся. В начале месяца фиксировано на банковскую карту. В конце – в конверте, столько, сколько каждый заслужил. И бывало там прилично. Урезать он не мог, как бы ни хотел. Это противоречило правилам, установленным учредителем. Требовалось внушительное обоснование. Платили на фирме очень хорошо. У Илюхиной, к примеру, в конверте бывала очень приличная сумма. Может, потому и терпела?

– Да, аванс, Валерий Сергеевич, – на ее четко очерченных скулах заалели два пятна. – Мне нужны деньги срочно.

– Кредит? – с пониманием кивнул он, решив, что если Севастьянов не позвонит и не даст никаких указаний на ее счет, ей придется и за аванс отработать. Нет, ну какова наглость! – Ладно, пишите заявление, Карина Георгиевна, укажите нужную сумму, я подпишу...

Севастьянов не позвонил и не дал никаких указаний. Но наказать девку у него не получилось. Позвонил Грищенко и попросил приехать в офис срочно. Мельников отложил все на потом. И, конечно же, не знал, что, усаживаясь в свой старенький автомобиль, Карина позвонила своему мужу.

– Да, милый, еду домой, как ни странно. И аванс подписал. Да, деньги у меня. Вкусенького купить? А что ты хочешь?

Она устало прикрыла глаза, привалившись к пыльной спинке сиденья. Кондиционер сдох еще при прежних хозяевах. Все попытки его реанимировать не увенчались успехом, поэтому в жару приходилось ездить с открытыми окнами. В салон к вечеру набивалось столько пыли, что Гена еле с ней справлялся, ерзая по сиденьям стареньким пылесосом.

– А у тебя что? Как прошло собеседование? Все хорошо? Отлично! Ты меня радуешь, милый! Ладно, я проедусь по магазинам, куплю все, что нужно, и сразу домой. Хорошо? Целую...

Домой она вернулась поздно. Везде страшные очереди. В магазине мужской одежды, где она купила Гене приличные брюки, рубашку, мокасины и пару нижнего белья с носками, она пробыла дольше, чем хотела. Вокруг было столько красивых вещей, в которые ей хотелось нарядить мужа! Она трогала, гладила, щупала дорогие ткани, приценивалась и со вздохом отходила.

Они не могут позволить себе пока таких покупок. Пока не могут. Чертов кредит, высушивший их бюджет, как годы – Аральское море, стал невероятным бременем для их маленькой семьи. Сколько было мечтаний по ландшафтному дизайну, сколько пышных планов по внутренней отделке и покупке красивой мебели, и все разбилось в прах о суровую реальность. Уже второй год пошел, как едва хватало денег на погашение кредита и процентов, сносное питание и содержание ее трухлявого автомобиля.

– Я мог бы пойти работать, Кари! – с горечью восклицал каждый раз Гена, когда она со слезами приезжала домой после наказаний Мельникова. – Почему ты не хочешь, чтобы я попытался?!

Его кулаки, всегда казавшиеся ей слишком слабыми, подрагивали. Глаза были наполнены слезами. Он страдал! Сильно страдал за них обоих, потому что догадывался, что делает

с ней ее работодатель. Карина не рассказала ему в самый первый раз, просто рыдала на груди безвольного мужа.

– Что мне делать, Гена??? Что мне делать??? Я ненавижу его! Я не могу!!!

Он гладил ее по волосам и плакал тоже. Он догадался, конечно же. Но он ничего не мог изменить, ничего! Его вышвырнули с дипломатической работы, где он по малодушию стал объектом громкого скандала, без права когда-либо заниматься этой деятельностью. Вообще никогда.

– А я больше ничего не умею, Кари!!! Не умею!!!

Умный, славный, деликатный, высокообразованный и такой слабый Гена Илюхин остался не у дел почти сразу после покупки дома. Все их немалые сбережения пришлось отдать влиятельным лицам, решившимся замять громкий скандал. Это чтобы Гену не посадили.

Нет, он, конечно, пытался устроиться на работу, долго ходил по кадровым агентствам, очень долго. Но узнав, где он прежде служил, с него требовали рекомендацию. Он ее не приносил, потому что в положительной отказывали, а другая была не нужна. И...

И все сначала!

Так прошли месяцы – долгие месяцы изнурительных походов, унижений отказов, отчаяния. Они смирились, решили, что как-нибудь станут жить на одну ее зарплату. Где-то ужмутся, в чем-то себе откажут, но дом не потеряют ни в коем случае. И даже приноровились экономно жить. И даже не находили в этом ничего зазорного.

И тут в их жизнь влез Мельников! Влез своими грязными мерзкими ручищами, вполз ядовитым гадом, изгадил все, что не успели изгадить до него. И посягнул на самое святое и ценное, что у них еще оставалось – на их чистую любовь!

– Уходи оттуда немедленно! – тут же потребовал Гена, натирая ее плечи и спину жесткой мочалкой, он сам вызвался помыть ее после возвращения. – Уходи – и точка!!!

– Хорошо. Завтра же разошлю резюме, – кивала Карина, истерично поскуливая от болезненного прикосновения мочалки к бокам и спине.

И разослала, и делала потом это почти ежедневно, и толку? Никто, ни один работодатель не откликнулся. Либо предлагали немыслимые условия в плане заработной платы. Они считали, складывали, вычитали – и ничего не выходило. После ежемесячной выплаты по кредиту у них не оставалось денег даже на хлеб.

– Нам придется жить с этим, Кари!!! – встретил ее как-то с работы подобным возгласом пьяный вдрызг Геннадий. – Нам придется терпеть и жить с этим как-то!!!

– Что? Что с тобой такое?

Она имела в виду в тот момент его безобразно пьяное состояние. Он не пил никогда. И запаха спиртного не терпел.

– Я унижен, да... – шептал он, упав ей в ноги и целуя ее колени. – И ты унижена, моя несравненная Кари!!! Но это унижение, оно... Оно так ничтожно... Оно так ничтожно в сравнении с полным крахом, с полной нищетой... Мы может об этом не думать и не говорить, и делать вид, что ничего этого не происходит. Мы просто станем жить так, как раньше, как будто нет этого мерзкого Мельникова... Ведь его когда-то да не будет, так? Он ведь когда-то да исчезнет. А это все... – Гена широко повел вокруг себя руками, – дом, сад, беседка – это наша с тобой гавань... Это все останется! В конце концов, это всего лишь секс по принуждению, за который ты имеешь хорошие деньги, Кари! Ты и со мной в первый раз легла в постель не из высоких чувств.

Конечно, он получил по лицу в тот момент. Она рыдала и металась на кровати, куда его не впустила в ту ночь. Он рыдал по другую сторону двери, долго скулил, вымаливая прощение. И уснул потом, свернувшись клубком. Две недели они не разговаривали, а потом...

А потом снова начали просто жить. Будто и не было этого мерзкого разговора. Их неозвученное соглашение было принято по умолчанию.

– Нам надо выжить, Гена. Просто надо выжить. Но он... Запомни! Он заплатит за наше с тобой унижение! Я клянусь тебе! – пообещала Карина в новогоднюю ночь, сидя с мужем перед телевизором с бутылкой недорогого шампанского.

– Когда? – Он глянул на нее с тоской, боясь дотрагиваться.

Он теперь никогда ее не трогал первым. Ждал ее сигнала.

– Время наступит, поверь мне. Время наступит!

А оно все не наступало и не наступало, это самое время отмщения. Она мучилась и стервенела, Гена мучился и опускался все ниже и ниже, пока однажды...

– Генка! Генка, очнись!!! – тормошила она пьяного мужа, уснувшего прямо в ботинках на веранде их дома на крохотном диванчике. – Я знала, так будет!!!

– Что, Кари? Что?! Что случилось???

Он резко сел, но тут же снова начал заваливаться набок. Взгляд заволокло.

– Да очнись же ты! – Карина схватила графин с водой и вылила ему на голову половину. – Прекрати спать, дрянь!!!

У нее ушло полчаса, чтобы привести его в чувство. Потом еще столько же времени она его отпаивала огненным крепким чаем. И когда наконец взгляд его прояснился и он смог внятно отвечать на ее вопросы, она сказала:

– Дочь Мельникова ищет репетитора китайского языка! Секретарша Татьяна, родственница Мельниковых, сказала. Она по просьбе своей тетки – жены Мельникова – тоже ищет.

– Ух ты! – выдохнул он, сразу все поняв. – Ты считаешь, что у меня есть шанс?

– Я считаю, и не только я одна, что ты – лучший знаток китайского. А зная предмет, преподавать его несложно.

– Сколько лет его дочери?

– Кажется, пятнадцать или шестнадцать.

– И ты хочешь, чтобы я с ней?! – в ужасе отшатнулся от нее Гена. – Сделал то же, что и он с тобой???

– Фу, Илюхин, как мерзко! – криво ухмыльнулась Карина. – Я совершенно против педофилии. Просто... Просто ты должен быть рядом с ней, учить ее, говорить с ней, узнавать все, что творится у них в семье.

– Каким образом? – Он сжимался в размерах, сидя напротив жены.

Он не хотел!!! Не хотел ничего этого!!! Он не воин и не разведчик! Он просто слабый человек.

– Будешь говорить с ней об этом на китайском, дружок. Мы должны знать о его делах все-все – о его связях, друзьях. Что-то он затевает. Что-то мутит эта сволочь. Я должна узнать об этом одной из первых. И ты мне в этом поможешь. Даже если тебе придется стоять на голове, Гена!!! Я сказала – я его уничтожу, и я его уничтожу! А если это получится сделать руками его горячо любимой дочери, то это просто чудесно...

Глава 6

Востриков вытянул ноги под рабочим столом так, что захрустели суставы. Он устал, дико устал от работы, от жары и от начальства, требующего от него информации по сгоревшей машине и труп в ней.

С машиной более или менее разобрались, а вот с трупом...

– Товарищ полковник, делаем все возможное! – рапортовал вчера на совещании Востриков, прекрасно понимая, что сделано уже все и даже больше, а неизвестный покойник так и оставался до сих пор неизвестным.

– Значит, плохо делаешь, Сан Саныч! – ревел полковник. – Плохо!!! Как такое может быть, скажи мне?! Машину угнали от торгового центра, где народу, как в улье, а никто ничего не видел?!

Востриков молчал вчера и хмурился. И сейчас молча, до хруста тянул ноги и хмурился.

Он прекрасно понимал, что полковник прекрасно понимает, что остаться незаметным проще всего в толпе. И современным угонщикам, снабженным всякого рода электронными приспособлениями, как раз толпа и нужна. Они не станут угонять машину со стоянки, где одна или две машины, где на них могут обратить внимание прохожие или тети из окон, или продавцы из витрин. Нет, стоянка перед супермаркетом – идеальное место. Тут как раз все понятно.

Непонятно, зачем было угонять машину? Для того, чтобы потом заехать на ней в кусты и заживо сгореть?! Идиотизм! Полковник с него требовал версии, а он неуверенно бубнил, что у него только две версии.

Первая – угон был совершен группой лиц для того, чтобы потом совершить убийство.

Вторая – угон был совершен ненормальным, задумавшим покончить жизнь самоубийством таким вот способом.

Все! Остальное было из области фантастики! И эти фантастические версии выдвигала сегодня за завтраком его десятилетняя дочка. И чего он только не наслушался! И то, что это своего рода месть хозяину автомобиля. И что это черная метка, намек на то, что и с ним так будет, если он чего-то там не сделает.

Востриков отмахивался, фыркал и советовал ребенку меньше смотреть сериалов и читать детективов, на которые та вдруг подседала.

– Ты-то что думаешь, Вася? – окликнул он своего помощника, который старательно делал вид, что работает. – У тебя какие версии?

– А? – Симпатичное лицо помощника со следами бессонной бурной ночи поднялось от груды бумаг, взгляд рассеянно забегал по стене над головой Вострикова. – Я не знаю, Сан Саныч! Глупо все как-то! Угнать машину, заехать на ней в дебри и совершить самосожжение. Если человек собирается таким эффектным способом уйти из жизни, ему нужны зрители, согласны?

– Ну-у-у, согласен, – кивнул Востриков.

– Значит, это не самоубийство.

– Значит, – Востриков подобрал колени, положил перед собой на столе карандаш и принялся катать его, как скалку.

– Рассмотрим убийство... – воодушевился Вася Климов – симпатичный повеса тридцати лет, вымотавший нервы не одной красотке их города. – Потому что несчастный случай у нас исключается, так?

– Так. Эксперты полностью опровергли пожар в результате аварии. Как и саму аварию отвергли тоже. Все в один голос заявили – поджог, – катающийся по столу карандаш приятно массировал ладонь, успокаивал.

– Во-о-от... – Вася вдруг остолбенел на минуту, а потом глянул на него несчастными глазами. – Что я только что говорил, Сан Саныч?

– Ты сказал, что самоубийство исключается, авария тоже, – терпеливо повторил Востриков.

Он этого гуляку Климова любил и на слабости его смотрел снисходительно. Тот был ему верным помощником, не стучал, не подставлял и не предал ни разу за пять лет, что они вместе работали. А это очень важно!

– Тогда что? Получается, убийство?

– Получается, да, – изумленно воскликнул Климов. – Только кого убили-то? Нет в пропавших без вести никого с таким ростом и такого приблизительно возраста. Мы уже всю базу просмотрели. Нет такого!

– Нет!

– Не проще ли было этого неизвестного задушить, застрелить, а потом сжечь? Его все равно никто не искал. И думаю, убийце об этом было известно. Ну-у-у, о том, что дядя никому не нужен. Зачем непременно надо было так усложнять? Угонять машину, а это риск. Могли где-нибудь перехватить, остановить. И почему выбрали именно машину этого чела? – не очень связно болтал Климов, продолжая тараканьи бега глазами по стене над головой Вострикова. И вдруг смолк. Глянул на начальника умоляющими глазами. – Сан Саныч, можно мне до обеда уйти, поспать немного, а? Ну не могу, отключаюсь просто!

– Уйти нельзя, – Востриков полез из-за стола, громыхнул связкой ключей. – Запрись, тут поспи на стульях. Я скоро.

– А вы куда? – Климов уже ставил стулья в ряд по стене, громоздил изголовье из горы пакетов.

– Да на мысль ты меня натолкнул, Вася. На неплохую мысль. Сначала Викуля моя, а теперь вот ты, – он широко шагнул к двери.

– А что за мысль, Сан Саныч? – Климов уже улегся на стулья, закрыл глаза.

– Что это в самом деле может быть актом устрашения нашему автовладельцу. Навещу-ка я его снова. В прошлый раз он не очень был словоохотлив и приветлив. Все больше молчал и хмурился. Так, я тебя запираю. У тебя, если что, ключи есть. На стук не отзывайся. Подремли часок. Приеду назад, разбужу. Все, бывай...

Двухэтажное строение, которое Вострикову еще не довелось посетить прежде, поскольку пострадавший сам явился в отдел, утопало в тени громадных каштанов. Обычное современное здание, пластиковые окна, двери, стоянка справа и слева от въезда. С одной стороны – дорогие машины, видимо, принадлежавшие управленческому персоналу. С другой стороны – машинки попроще. Офисный планктон паркуется, догадался Востриков. Вошел в прохладное фойе, предъявил удостоверение охраннику, был безропотно пропущен внутрь. Медленно поднимался по лестнице, шел так же медленно коридорами и поражался странной тишине, царившей в офисе.

Нет, люди ему встречались – разгар рабочего дня как-никак. Не все же спят в кабинете на стульях, как раздолбай Климов. Но они все, как один, странно выглядели. Они будто не шли по коридору, а крались. Не смотрели вперед, строго глядя себе под ноги. И лица у всех были такие... Такие скорбные, будто всех их объединяло одно великое горе. И потому они не могли улыбаться и радоваться, потому хранили зловещую тишину.

– Что, кто-то умер? – спросил он секретаршу, входя в приемную.

Та дернулась с такой силой, будто ее цыганским хлыстом перепоясали. Подняла на него бледное некрасивое лицо и прошипела:

– Подобные шутки неуместны! Кто вы вообще такой? Что здесь делаете?

Востриков представился, сунул ей под нос удостоверение, не позволив долго читать.

– Я к вашему руководителю.

– Зачем?! – ощерилась рыхлая девица, и даже кудряшки ее, кажется, ошетинились.

– Это не вашего ума дело, милая, – с ядовитой ухмылкой ответил Востриков и шагнул к директорской двери. – Надеюсь, он не занят?

– Он не занят, – вернула она ему ядовитую ухмылку. – Его вообще нет!

Хорошо хоть, язык не показала, дурочка. Востриков все же в кабинет заглянул. В самом деле – пусто.

– Когда будет?

Он сел на стул, собираясь не столько ждать, сколько помотать нервы наглой секретарше, к тому же еще не очень привлекательной. Наглеть подобным образом, по его мнению, могли только очень красивые женщины. Они, кстати, делать это могли виртуозно, никоим образом не оскорбляя чувств собеседника, а как раз наоборот, будоража его.

– Не знаю, когда будет! – фыркнула секретарша. – Не докладывает!

– А он не заболел? – уточнил Востриков.

– Нет, вполне здоров.

Она загремела ящиками стола, через минуту встала, заперла директорскую дверь и смылась куда-то, оставив Вострикова в полном одиночестве. Он посидел-посидел, пошел снова коридорами наблюдать печальных людей, старающихся проскочить из кабинета в кабинет как можно тише и незаметнее. Снова заглянул в приемную. Там никого не было. Он подергал директорскую дверь и решил, что нет ничего плохого в том, что свое ожидание он скрасит разговорами с персоналом.

А персонал категорически отказался идти на контакт.

– Я не знаю, почему у генерального директора угнали машину!!!

– Я ее точно не угонял! У меня своя есть!!!

– Нет, ну что я могу знать о трупe в машине, интересно??? Я его туда не совала!!!

– Обстановка? А какая у нас обстановка? Все нормально! Рабочая вполне обстановка!

А что, надо скалиться направо и налево, извините?!

Вот приблизительно такие разговоры состоялись у него с персоналом. Никто ничего не желал говорить о своем руководителе. Ни плохого, ни хорошего. И уж тем более никто не желал обсуждать недавнее происшествие.

– Этим пускай занимаются правоохранительные органы!

А его вопрос – могут ли быть у их генерального директора враги и кто это может быть – вообще ввергал всех в ступор.

– Черт-те что! – выпалил в сердцах Востриков, выходя на улицу в душный полдень и раздражаясь еще сильнее от того, что надел сегодня плотные штаны, в которых невозможно жарко.

Он влез в горячую машину, тут же прилип задом к сиденью и минут пять гонял ее на холостом ходу, пытаясь остудить салон работающим кондиционером. Потом медленно выехал со стоянки. Завернул за угол здания, проехал с десять метров и тут же резко нажал на тормоз. Прямо под колеса его автомобиля нырнула девушка. Нет, ну не совсем, конечно, под колеса. Это ему так показалось. Он просто перепугался смертельно, а у страха, как известно, глаза велики. Она просто шагнула с тротуара и, когда поравнялась с его машиной, стукнула кулачком по капоту.

– Вы что творите, девушка?! – заорал на нее Востриков, опуская стекло. – Жить надоело?!

– Вы ведь из полиции? – и сама себе ответила: – Вы из полиции, я видела вас в офисе.

Высокая, тоненькая, несимпатичная, с некрасивыми зубками, девушка обошла его автомобиль, открыла пассажирскую дверь и нырнула в салон, тут же представившись Ольгой. Она расправила на коленках темное скучное платье, глянула на Вострикова с вызовом.

– Вы приходили к Валерию Сергеевичу, правильно? – спросила она, рассмотрев Вострикова с головы до ног, насколько позволяло его положение за рулем.

– Допустим.

– А его нет. Его уже четыре дня нет! – зловеще прошипела Оля, сделав страшные глаза.

– Болеет? – равнодушно отозвался Саня, почувствовав азартный зуд в груди.

Вот она! Вот она – сплетница-болтушка, которую он искал в офисе, да так и не нашел!

– Болеет! – фыркнула она. – Если бы! Он после этого происшествия с его машиной сам не свой! Просто с катушек слетел! Собственной тени боится!!!

– Боится? – хмыкнул Востриков недоверчиво. – А ему-то чего бояться? Ну, угнали у него машину. Ну, сгорел в ней угонщик. Бывает...

– Все бы было так просто! – Ее ротик оскалился, обнажая ряд некрасивых зубов.

– А в чем сложности? Кстати, вам куда? Могу подвезти, – он медленно поехал вперед.

– Мне все равно куда. Мне просто надо было с вами поговорить без свидетелей и не в кабинете. Там все слушается!

– В смысле? – не понял Востриков.

– Мельников каждый кабинет напиговал прослушками. «Жучки» там у него стоят, или диктофоны, или еще что – никто не знает. Но он в курсе всего, что кто говорит. Мы сначала не понимали. Думали, стучит кто-то из своих. Как кто где что брякнет в его адрес нехорошее, так уволен! Потом нашли. Уборщица однажды пыль полезла вытирать не туда куда надо и наткнулась на японскую игрушку дяди Валеры.

– Ишь ты! – Востриков отъехал на значительное расстояние от офиса и притормозил за одним из торговых павильонов. – Жаловаться не пытались?

– Смеетесь?! – невесело рассмеялась Ольга. – Кто захочет лишиться работы? Нам знаете, сколько платят?! Кому нужны проблемы? Проще язык за зубами держать.

– Может быть, – согласно кивнул Востриков. – Значит, разговоры прекратились после находки уборщицы?

– Ну, в основном. Говорили больше то, что Валерию Сергеевичу слышать хотелось. Но вот однажды... – она нервно дернула шеей, глянула по сторонам, назад. – У вас-то тут нет никакого диктофона?

– Нет, будьте уверены, – рассмеялся Востриков. – Так что однажды?

– Было это недели три назад, может, чуть меньше. К нам прилетал учредитель. Севастьянов Николай Егорович.

– Ух ты! Фамилия на слуху.

– Еще бы! – Она самодовольно расправила плечи, будто это она носила эту фамилию. – Визит был обычным, рабочим. Он прилетает с проверками, и это не новость. Мельников уехал его встречать. Потом они весь день провели вместе. А мы работали в обычном режиме. И вот именно в тот день у нас с Кариной состоялся преинтересный разговор.

– Карина – это у нас кто?

– Илюхина Карина Георгиевна – начальник отдела продаж, моя начальница. Умница, красавица, – презрительно скривила ротик Ольга. – Вечно опаздывающая и отрабатывающая потом часы опоздания.

– И не выгнали ее до сих пор за опоздания? Я так понял, у вас жесткая дисциплина? – удивился Саня.

– Выгонят, как же! Она часы опоздания не только за своим рабочим столом отрабатывает, но и перед Мельниковым с раздвинутыми ногами! – с откровенной завистью выпалила Ольга. – Корчит из себя праведницу, а ведь шлюха шлюхой! Все знают, зачем он с ней запирается в кабинете посреди рабочего дня, все! А она изображает из себя святую невинность. И еще великомученицу! Будто принуждает ее кто?! Такая, скажу вам, падшая дрянь...

Ольга задохнулась от ненависти и замолчала. Некоторое время они слушали лишь слабое гудение кондиционера.

– Так что там с преинтересным разговором с Кариной Илюхиной? Что за разговор в день прилета вашего учредителя? Это же в тот день было, так? Я не ошибся?

– Не ошиблись, – кривенький левый верхний резец впился в нижнюю губу. – Мы с ней сидели в кабинете, просто болтали. Зашел разговор о Мельникове, и тут она...

– Что? – поторопил ее Востриков.

Ольга замолчала не просто так. Она замолчала со значением. Будто споткнулась о невидимую преграду.

– И? – Он ободряюще улыбнулся, поняв, что в душе девушки идет борьба. – Что она сказала?

– Что желала бы смерти Мельникову, – произнесла она неуверенно и тут же поправилась. – Нет, не так! Она сказала, что желает гореть ему в аду при жизни. Что она многое бы отдала, чтобы увидеть, как он будет гореть заживо. Вот!

– Ничего себе! – ахнул Востриков.

И про себя подумал, что это в корне все меняет. Что вот он – подозреваемый. Вернее, подозреваемая. Она могла устроить угон автомобиля и казнь неизвестному, как акт устрашения. Но как-то уж слишком, нет? Для молодой женщины в одиночку повернуть все это нереально. Да и машина была угнана в разгар рабочего дня.

– Она не отсутствовала в тот день, когда у Мельникова был угнан автомобиль? – уточнил он на всякий случай, хотя был уверен в отрицательном ответе.

– Нет. Как ни странно, она даже не опоздала тогда. Она что-то вообще в последние дни перестала опаздывать. Даже странно, очень странно! – затараторила Оля, испытывая явное, непонятное облегчение.

– А у нее есть семья?

– Да, есть у нее муж, неудачник! – скривила ротик Ольга. – Детей нет.

– А почему – неудачник?

– Вылетел с госслужбы год назад или чуть больше.

– А за что?

– Ой, никто толком не знает. Был вовлечен в какой-то скандал, чудом удалось замять. Слышала от девчонок, что Карине пришлось выплатить неустойку какому-то весьма влиятельному лицу, которого ее Генка каким-то образом оскорбил. Дело давнее, закрытое, – с неохотой рассказала Оля.

Она была недовольна, что товарищ из полиции отошел от интересующего ее вопроса. Они даже это никак не обсудили. Разве так можно? Отсюда и бардак повсюду! Вот они, факты – она их ему выложила, бери. А он вдруг про Гену начал спрашивать. Зачем? Думает уличить его в соучастии? Чушь какая! Он, по слухам, собственной тени боится. Станет он машину угонять у Мельникова! И уж тем более – кого-то казнить!

– А сейчас он чем занимается?

– Гена?

– Да, да, Гена Илюхин. У них ведь одна фамилия?

– Совершенно верно. Он тоже Илюхин. А ничем он не занимается. На шее у Карины сидит. Вроде пьет. Но никто его ни разу пьяным не видел. Он за городом живет в их доме, за который она выплачивает кредит.

– Ага! – обрадованно подхватил Востриков. – Стало быть, Илюхина платит за дом. Муж у нее нигде не работает, пьет. Она одна ведет хозяйство. Одна работает. Работой дорожит. И поэтому терпит своего руководителя, которого жутко ненавидит. Я правильно понял вас, Оленька?

– Приблизительно.

Она сморщила носик, пытаясь сообразить, где еще она что упустила, вроде все сказала, что нужно. Остальное ему знать необязательно, то есть кто, с кем и за что спать готов.

– Ага! – еще раз на оптимистичной ноте воскликнул Востриков. – А скажите, Оленька, Мельникову каким-то образом стало известно об этих ее словах?

– Зачем??? – Она вздрогнула и вжалась в автомобильную дверцу. – Я ему ничего такого не говорила!

– Да я не про вас, Оленька, – поморщился Востриков. – Я вспоминаю ваши слова о том, что в каждом кабинете были установлены прослушки. Помните, вы рассказывали?

– Ну да.

– Так вот, могла быть и в вашем кабинете такая штукавина установлена?

– Я не знаю! – Она сильно побледнела, тут же вспомнив о своих неосторожных словах в адрес Севастьянова. Подумала и отрицательно замотала головой. – Вряд ли в тот день это там было.

– Почему вы так думаете?

– Потому что Мельников тогда бы Карину в бараний рог свернул точно! Или к вам в отдел притащил за шиворот. Так ведь?

– Скорее всего, – кивнул согласно Востриков.

Скорее всего, так бы Валерий Сергеевич и поступил. Уличил бы злоумышленницу и убийцу. А вместо этого он уже неделю нигде не появляется, на работе – в том числе. И никто из подчиненных не знает, где он и что с ним. Так переживает потерю автомобиля? Так он застрахован был на приличную сумму, все компенсируется. Бойтся? Чего?!

– Ну и ладно, Оленька. Пусть не знает дальше. Вы ведь не расскажете ему, так?

– О чем?

– О том, что Илюхина желала ему гореть синим пламенем? И желала понаблюдать за этим? Не расскажете?

Он проникновенно глянул на нее. А когда он так смотрел, к примеру, его помощнику Васе Климову хотелось уползти в дальний угол и сидеть там тихо и незаметно.

– Нет, конечно! О чем вы?! Я его побаиваюсь и сторонюсь. Субординация прежде всего. Я не Илюхина! – Она обиженно надулась, отворачивая несимпатичное личико к окошку.

И было непонятно, на что конкретно она обиделась. На то, что она не Илюхина, или на то, что ее заподозрили в излишней откровенности с начальством.

И Востриков ей поверил. Почти.

Не стал бы Мельников трястись и прятаться, знай он о таком злобном выпаде со стороны своих подчиненных. Либо сам наказал бы, либо предложил это сделать органам правопорядка. Тут Ольга права.

– Хорошо, я все понял, – протянул ей руку Востриков, предлагая прощаться. – Никуда не пропадите. Возможно, мы вас скоро вызовем для дачи показаний. Номер телефона мне свой продиктуйте.

– У меня визитка есть, – она вытащила визитку из кармашка платья, видимо, заранее приготовила. – Звоните лучше на мобильный. К стационарному может Карина подойти. Не хотелось бы, понимаете, раньше времени... Ну, вы меня понимаете?

– Несомненно!

Он попрощался с девушкой и поехал в отдел. Климов к его приезду уже поднялся и умылся теплой минералкой. Бутылка завалилась в шкаф. Влажные русые волосы были зачесаны назад, глаза смотрели бодро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.